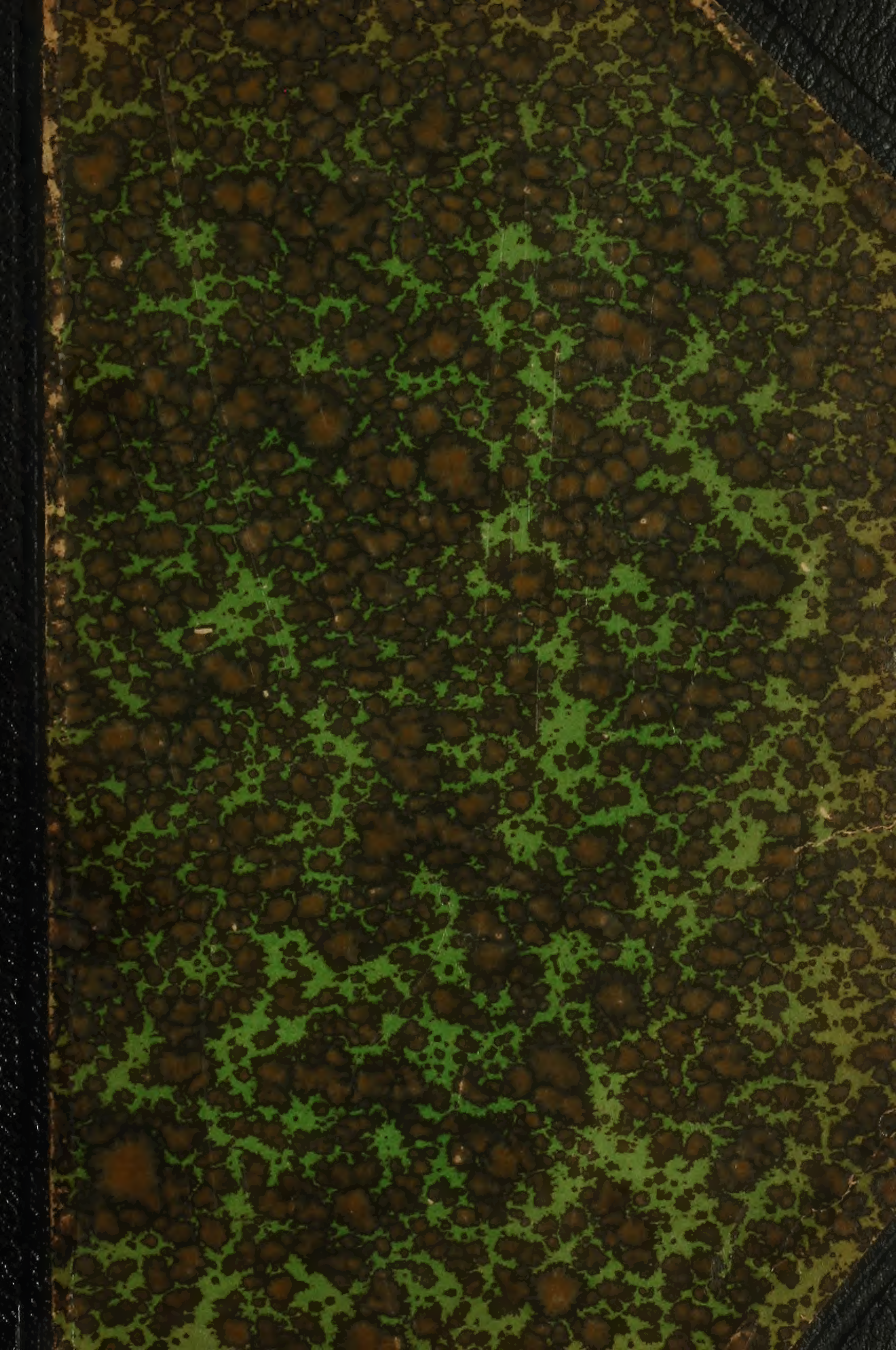


DUKE
UNIVERSITY

DIVINITY SCHOOL
LIBRARY

Prugavin, Aleksandr Stepanovich

А. С. Пругавинъ.

XII 10/24

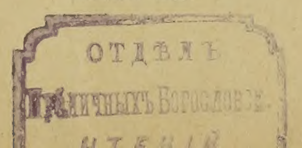
МОНАСТЫРСКІЯ ТЮРЬМЫ

ВЪ БОРЬБѢ СЪ СЕКТАНТСТВОМЪ.

МОСКОВСКА ЕПАРХІАЛЬ БИБЛІОТЕКА

(Къ вопросу о вѣротерпимости).

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовск. ул., соб. д.
МОСКВА—1905.



Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 1 іюня 1904 г.
Цензоръ, *іеромонахъ Александръ.*

Div. S.
274.7
P971M

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ автора.

Статьи, вошедшія въ эту брошюру, первоначально были напечатаны въ газетѣ «Право» за время 1902—1904 годы.

Въ виду того, что вопросъ, затронутый въ этихъ статьяхъ, не можетъ не интересовать значительной части русскаго общества и народа, авторъ рѣшилъ выпустить ихъ отдѣльной брошюрой, имѣя въ виду этимъ самымъ еще разъ напомнить о печальной аномаліи, уцѣлѣвшей въ нашей жизни отъ далекихъ вѣковъ религіозной нетерпимости.

За время появленія нашихъ статей, посвященныхъ этому вопросу, состоялось весьма важное правительственное мѣропріятіе, которое нельзя не привѣтствовать съ полною искренностью и которое, безъ всякаго сомнѣнія, внесетъ отрадное чувство нравственнаго удовлетворенія въ душу многихъ милліоновъ русскихъ людей. Мы говоримъ о полномъ упраздненіи извѣстной исторической тюрьмы, находившейся въ Соловецкомъ монастырѣ. Упраздненіе это состоялось осенью прошлаго 1903 года.

Обстоятельство это даетъ основаніе и право надѣяться, что та же самая участь ожидаетъ — быть-можетъ, даже въ самомъ непродолжительномъ времени — и всѣ остальныя тюрьмы, которыя до сихъ поръ еще, къ сожалѣнію, уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ, правда весьма немногихъ, монастыряхъ.

Подобная мѣра явилась бы первымъ значительнымъ шагомъ по пути осуществленія тѣхъ завѣтовъ вѣротерпимости, которые столь торжественно были провозглашены въ памятномъ всѣмъ манифестѣ 26 февраля 1903 года.

С.-Петербургъ,
22 мая 1904 г.

МОНАСТЫРСКІЯ ТЮРЬМЫ

и

МОНАСТЫРСКІЕ УЗНИКИ.

Монастырскія тюрьмы и монастырскіе узники.

I.

Отъ далекой, сѣдой старины, отъ нашего историческаго прошлаго мы унаслѣдовали немало печальнаго и тяжелаго въ разныхъ областяхъ государственной, церковной и народнообщественной жизни. Но едва ли не больше всего мрачныхъ пережитковъ старины сохраняется у насъ въ той именно области, которая по своему существу, по своему внутреннему характеру должна быть совершенно свободна отъ всего, что только носитъ на себѣ печать жестокости и насилія. Мы разумѣемъ область вѣры, область религіозныхъ убѣжденій.

На этотъ разъ мы хотимъ напомнить здѣсь о печальной и мрачной аномаліи, уцѣлѣвшей въ нашей государственно-церковной жизни отъ далекихъ, давно прошедшихъ вѣковъ религіозныхъ гоненій и нетерпимости. Мы хотимъ напомнить о судьбѣ, такъ называемыхъ, монастырскихъ узниковъ, т.-е. лицъ, имѣвшихъ несчастіе за тѣ или иные проступки или преступленія противъ церкви и религіи подвергнуться заключенію въ монастырской тюрьмѣ.

Какъ извѣстно, такія тюрьмы съ давнихъ поръ существовали при нѣкоторыхъ изъ нашихъ мона-

стырей. Особенно широкой извѣстностью пользовалась въ обществѣ тюрьма Соловецкаго монастыря, куда въ прежнія времена ссылались не только религіозные, но и государственные преступники, которые по терминологіи той эпохи величались „ворами и бунтовщиками“. Ссылка въ Соловецкій монастырь религіозныхъ и государственныхъ преступниковъ широко практиковалась уже въ половинѣ XVI столѣтія, въ царствованіе Іоанна Грознаго. Затѣмъ, въ теченіе XVII, XVIII и первой половины XIX столѣтія тюрьма Соловецкаго монастыря нерѣдко была переполнена заключенными.

Вѣроятно, этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить, что во второй половинѣ XVIII столѣтія возникаетъ новая монастырская тюрьма или крѣпость—на этотъ разъ въ центрѣ Россіи, а именно въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ, находящемся въ г. Суздалѣ, Владимірской губерніи.

Монастырь этотъ принадлежитъ къ числу наиболѣе старинныхъ русскихъ монастырей. Онъ возникъ одновременно съ Троицкой Сергіевской лаврой, 550 лѣтъ тому назадъ. Основателями его были преподобный Евфимій и великій князь Суздальскій и Нижегородскій Борисъ Константиновичъ. Въ былыя времена монастырь этотъ много страдалъ отъ татарскихъ нашествій и польскихъ набѣговъ. Это и заставило суздальскихъ князей сколь возможно укрѣпить монастырь, сдѣлать его недоступнымъ для набѣговъ. И вотъ постепенно Спасо-Евфиміевъ монастырь обносится высокими, необыкновенно массивными стѣнами, башнями, „обзаводится пушками, пищалями, бердышами, воинской броней“ и, такимъ образомъ, мало-по-малу обращается въ „колоссаль-

ную твердыню“, въ „грозную неприступную крѣпость“, — какъ говорится въ описаніи этого монастыря *).

Мѣстомъ ссылки и заточенія Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь становится съ 1766 года, со времени Высочайшаго указа Екатерины II-й, въ которомъ, между прочимъ, писалось: „сосланныхъ изъ бывшей тайной канцеляріи для исправленія въ умѣ въ разные монастыри колодниковъ, по именамъ десять человѣкъ, для лучшаго за ними присмотра и сохраненія ихъ жизни, равно, чтобы отъ нихъ какого, по безумію ихъ, вреда кому учинено не было, свести изъ нѣкоторыхъ, состоящихъ въ Московской губерніи монастырей, въ Спасо-Евфиміевъ монастырь, опредѣля для смотрѣнія за ними воинскую команду отъ суздальской провинціальной канцеляріи“.

Увѣдомляя объ этомъ Высочайшемъ повелѣніи архимандрита Спасо-Евфиміевскаго монастыря Ефрема, Святѣйшій Синодъ въ свою очередь писалъ: „А какъ де въ ономъ монастырѣ первенствующая власть вы, архимандритъ, то оную команду поручить въ твое вѣдомство, и притомъ тебѣ рекомендовать, чтобы вы съ своей стороны употребляли къ исправленію тѣхъ колодниковъ всевозможныя старанія; ибо де чрезъ то вы можете себя оказать по званію своему къ сохраненію жизни человѣческой полезнымъ. О пріемѣ же означенныхъ колодниковъ, также, если и впредь по Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію таковые же присылаемы будутъ въ оный

*) Историческое описаніе Суздальскаго первоклассного Спасо-Евфиміева монастыря, Л. Сахарова. Владиміръ на Клязьмѣ, 1878 г., стр. 1—8.

монастырь и объ отведенiи для ихъ пребыванiя потребнаго числа покоевъ, такъ и о употребленiи о сихъ безумныхъ должнаго о исправленiи ихъ въ умѣ попеченiя къ тебѣ, архимандриту, изъ Святѣйшаго Синода истребовать послушнаго указу“.

Вслѣдъ за приведеннымъ Высочайшимъ повелѣнiемъ издана была особая инструкцiя обращенiя съ колодниками, ссылаемыми въ Спасо-Евфимiевъ монастырь. Инструкцiя эта была сообщена оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода генералъ-квартирмейстеромъ и кавалеромъ княземъ Вяземскимъ какъ суздальскому воеводѣ, такъ и о. архимандриту. Приводимъ содержанiе этой инструкцiи безъ всякихъ измѣненiй: „Содержать оныхъ безумныхъ въ отведенныхъ отъ архимандрита порожнихъ двухъ или трехъ покояхъ, однако не скованныхъ, и имѣть за ними присмотръ такой, чтобы они себѣ и другимъ по безумiю своему не могли учинить какого вреда, чего ради такого орудiя, чѣмъ можно вредъ учинить, отнюдь бы при нихъ не было, такъ и писать имъ не давать. Буде же бы который изъ нихъ сталъ сумасбродничать, то въ такомъ случаѣ посадить такого одного въ покой, не давая ему нѣсколько времени пищи; а какъ усмирится, то тогда можно свести его попрежнему съ другими. Кои же смирны и сумасбродства не дѣлаютъ, такихъ пускать для слушанiя Божественнаго пѣнiя въ церковь, однако подъ присмотромъ же караульныхъ; при чемъ смотрѣть за ними того, чтобы они съ посторонними не вступали въ непристойные разговоры, также бы не ушли изъ монастыря. Караульнымъ съ ними, сколько возможно, вступать безъ употребленiя строгости; а поелику они люди въ умѣ поврежденные, то съ ними обра-

щаться съ возможною по человѣчеству умѣренностью. Буде же бы который изъ нихъ сталъ произносить что важное, но какъ сіе происходить будетъ отъ безумнаго, то онаго не слушать и въ доносъ о томъ не вступать, а только что произнесено будетъ репортовать воеводѣ".

Условіемъ свободы отъ заключенія полагалось только рѣшительное оставленіе „сумасбродства" *).

Вскорѣ вслѣдъ за этимъ въ Спасо-Евфиміевѣ монастырѣ устраивается особое, такъ называемое, „арестантское отдѣленіе" или тюрьма. Цѣлый уголъ монастыря, въ которомъ помѣщалась эта тюрьма, отдѣляется особой массивной каменной стѣной и получаетъ названіе „крѣпости". Въ то же время цѣль и назначеніе этой крѣпости быстро измѣняются: изъ мѣста содержанія безумныхъ колодниковъ она становится тюрьмой, въ которую ссылаются лица, чѣмъ-либо провинившіяся противъ церкви и религіи.

День и ночь крѣпость на замкѣ. Единственныя ворота, которыя ведутъ въ нее, всегда оберегаются часовыми солдатами. Безъ особаго разрѣшенія или, какъ говорятъ здѣсь, безъ благословенія отца архимандрита, который является въ то же время и комендантомъ крѣпости, никто не перешагнетъ за ея ворота.

II.

Первые десять человѣкъ, попавшіе въ Суздальскій монастырь въ 1776 году, были слѣдующія лица: драгунъ Никаноръ Рагозинъ, отставной капитанъ Иванъ Нѣмчиновъ, прапорщикъ Коробковъ, фурьеръ Савва

---

*) Тамъ же, стр. 72—73.

Петровъ, іеромонахъ Владиміръ Зеленскій, поповичъ Андрей Егоровъ, копіистъ Василій Щегловъ, слуга князя Урусова, Михаилъ Васильевъ, крестьянинъ Иванъ Васильевъ и шатерный ставочникъ Василій Смагинъ.

Слѣдомъ за этими первыми невольниками идетъ длинный рядъ лицъ, которыя ссылались въ монастырь или на житье въ число братіи, или же въ качествѣ арестантовъ для заточенія въ монастырской тюрьмѣ. Необходимо замѣтить, что первая группа составляла сравнительно незначительный процентъ общаго числа лицъ, ссылавшихся въ Суздальскій монастырь, и состояла, главнымъ образомъ, изъ представителей бѣлаго и чернаго духовенства, въ чемъ-нибудь провинившихся.

Въ числѣ же „колодниковъ“ и „арестантовъ“, заключенныхъ въ Суздальской монастырской тюрьмѣ, были: офицеры, дворяне, чиновники, солдаты, крестьяне, купцы, мѣщане, однодворцы, канцеляристы, раскольники и сектанты, священники, монахи, архимандриты, діаконы, дьячки, послушники, причетники и т. д. За время съ 1766 по 1902 годъ общее число заключенныхъ въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ превышаетъ 400 человѣкъ. Число это составляется изъ двухъ главныхъ группъ: изъ лицъ духовнаго званія и лицъ свѣтскихъ. Къ первой группѣ относятся: священники—108 человѣкъ, въ томъ числѣ 5 протоіереевъ, 1 ключарь каѳедральнаго собора и членъ духовной консисторіи; архимандриты и игумены—16 чел., монахи, іеромонахи и іеродіаконы—65 чел., діаконы—16 чел., дьячки, послушники, причетники и пономари—17 чел.

Кромѣ того, въ разное время въ монастырѣ со-

держались: бакалавръ Кіевской духовной академіи, псаломщикъ, поповичъ и дьяческій сынъ.

Ко второй группѣ принадлежатъ: офицеры, дворяне и чиновники—52 человѣка, въ томъ числѣ: 1 генералъ-майоръ, 2 барона, 1 графъ и 2 князя; солдаты и нижніе воинскіе чины—16 чел., крестьяне—51 чел., мѣщане—10 чел., купцы—3 чел., однодворцы—2 чел., канцеляристы, протоколисты и копіисты—6 чел., раскольническіе наставники, попы и иноки—11 чел., раскольническіе архіереи—4 чел., лицъ неизвѣстнаго или неопредѣленнаго званія—8 чел.

Кромѣ того: учитель, актеръ, кадетъ горнаго института, казакъ, полицейскій надзиратель, шкиперъ и сапожникъ изъ Саратова.

Затѣмъ, помимо всѣхъ этихъ лицъ, въ Суздальскомъ монастырѣ были заключены: два румынскихъ монаха, болгарскій архимандритъ, греко-католическій священникъ, такой же инокъ и, наконецъ, какой-то французъ Бардіо и нѣмецъ Крюгеръ. Послѣдніе двое были заключены въ монастырскую тюрьму въ январѣ 1773 года и пробыли въ ней до самой смерти, послѣдовавшей въ октябрѣ мѣсяцѣ 1791 г.

Изъ общаго числа заключенныхъ на XVIII вѣкъ (съ 1766 по 1800 г.) приходится 62, а на XIX-й—341 чел.

Если мы это послѣднее число ссыльныхъ разобьемъ по четвертямъ только-что минувшаго столѣтія, то получимъ слѣдующія цифры: за время съ 1 января 1800 года по 1 января 1825 года въ Суздальскій монастырь было сослано 55 человѣкъ; съ 1 января 1825 года по 1 января 1850 г. было сослано 53 человѣка; съ 1 января 1850 г. по 1 января 1875 г.—117 человѣкъ и, наконецъ, съ 1 января 1875 г. по 1 января 1902 г.—116 человѣкъ.

Предоставляя самимъ читателямъ дѣлать выводы изъ этихъ цифръ — вполнѣ точныхъ, такъ какъ онѣ составлены на основанiи подлинныхъ архивныхъ дѣлъ, мы, съ своей стороны, считаемъ необходимымъ сдѣлать при этомъ одну оговорку. Такъ какъ дѣла самаго *послѣдняго времени* не сданы еще въ архивы, то поэтому относительно лицъ, сосланныхъ въ Суздальскій монастырь въ послѣдніе годы, свѣдѣнія наши имѣютъ отчасти случайный характеръ, при чемъ очень возможно, что нѣсколько человѣкъ изъ числа заключенныхъ въ монастырь лицъ именно за эти годы и не вошли въ наши свѣдѣнія.

Принявши во вниманіе это обстоятельство, мы въ правѣ придти къ заключенію, — во всякомъ случаѣ весьма неожиданному,—а именно, что у насъ въ Россіи примѣненіе давно отжившей, чисто средневѣковой формы наказанія, какой, безъ сомнѣнія, является монастырское заточеніе, достигнувъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія наибольшаго развитія, держится на томъ же уровнѣ до самыхъ послѣднихъ дней.

Такъ какъ необходимымъ и непремѣннымъ условіемъ освобожденія изъ монастырскаго заключенія было полное раскаяніе, „чистосердечное отреченіе“ отъ всѣхъ „заблужденій“ и еретичныхъ мнѣній, то естественно, что люди, всецѣло убѣжденные въ правотѣ своихъ взглядовъ, предпочитали лучше окончить свои дни въ неволѣ, чѣмъ признать ложью то, во что они вѣрили со всей страстью религіознаго воодушевленія. А такъ какъ въ монастырскія тюрьмы чаще всего попадали люди именно такого закала, то поэтому мы и видимъ, что лишь очень немногіе изъ нихъ получили свободу, большинство же оставалось тамъ до конца жизни.

Не даромъ монастырскій садъ, примыкающій къ тюрьмѣ и играющій роль „арестантскаго кладбища“, усѣянъ могилами бывшихъ „колодниковъ“ и „арестантовъ“. Среди множества могилъ прежнихъ узниковъ здѣсь сохранились лишь три-четыре могилы, между прочимъ могилы князя Ѳедора Петровича Шаховского и Владиміра Николаевича Бантышъ-Каменскаго.

Умершихъ арестантовъ здѣсь обыкновенно хоронятъ въ саду, — безъ креста, безъ плиты, безъ всякой отмѣтки или надписи, по которой близкіе умершему люди могли бы найти могилу дорогого имъ человѣка. При похоронахъ же вожаковъ раскола и сектантства начальство употребляетъ всѣ усилія для того, чтобы скрыть мѣсто ихъ погребенія и тѣмъ предупредить возможность паломничества со стороны ихъ послѣдователей и почитателей. Въ этихъ видахъ подобныхъ лицъ хоронятъ иногда внѣ монастыря, при чемъ самыя похороны происходятъ тайно, рано утромъ, когда еще всѣ спятъ; могила засыпается въ уровень съ поверхностью земли, безъ обычнаго возвышенія, послѣ чего закладывается дерномъ и, такимъ образомъ, тщательно устраняются всякіе признаки, по которымъ можно было бы узнать о мѣстѣ погребенія. Такъ именно былъ похороненъ, напримѣръ, глава и основатель секты кавказскихъ прыгуновъ казакъ Максимъ Рудометкинъ, умершій въ монастырской тюрьмѣ 13 мая 1877 года.

III.

Въ 1902 году въ тюрьмѣ Спасо-Евфиміева монастыря содержалось двѣнадцать человѣкъ заключенныхъ, изъ коихъ нѣкоторые находились здѣсь болѣе

10-ти, 15-ти и даже 20-ти лѣтъ. Такъ, напримѣръ, діаконъ Николай Ивановичъ Добролюбовъ, изъ Нижегородской губерніи, сидитъ въ этой тюрьмѣ уже 23 года.

Но другіе изъ заключенныхъ присланы сюда лишь въ самое недавнее время: такъ, крестьянинъ Самарской губерніи Ермолай Федосѣевъ попалъ сюда въ 1900 году, а священникъ Герасимъ Ивановичъ Цвѣтковъ—лѣтомъ 1901 г. О причинѣ заточенія крестьянина Федосѣева находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ отчетѣ Самарскаго епархіальнаго начальства за 1900 г.: „По отношенію къ нераскаяннымъ и зловреднымъ еретикамъ и пропагаторамъ, епархіальное начальство прибѣгало къ крайнему средству воздѣйствія, ходатайствуя предъ Св. Синодомъ объ изъятіи ихъ изъ среды православной паствы чрезъ заключеніе въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь. Такъ оно вынуждено было поступить съ нѣкіимъ Ермолаемъ Федосѣевымъ, который жилъ въ пещерѣ и своей лицемѣрной праведностью привлекалъ къ себѣ массы простого народа“ *).

О причинѣ, вызвавшей заточеніе священника Тамбовской губерніи Цвѣткова, было довольно подробно сообщено газетами со словъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Судя по этимъ свѣдѣніямъ, священникъ Цвѣтковъ былъ осужденъ высшимъ духовнымъ начальствомъ на заточеніе въ Суздальскомъ монастырѣ „за нѣкоторые его взгляды, несогласные съ тѣми, которые считаются господствующими въ нашемъ духовенствѣ. Такъ, напримѣръ, о. Цвѣтковъ осуждалъ подчиненіе церкви свѣтской власти въ лицѣ оберъ-

---

*) „Самарскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1901 г. № 16, стр. 886.

прокурора Св. Синода, признавалъ необходимость скорѣйшаго созыва вселенскаго собора для разрѣшенія многихъ назрѣвшихъ вопросовъ въ православной церкви, отвергалъ авторитетъ Св. Синода и т. п. Въ этомъ смыслѣ онъ неоднократно подавалъ докладныя записки оберъ-прокурору Св. Синода и многимъ высшимъ іерархамъ русской церкви, послѣдствіемъ чего и было осужденіе о. Цвѣткова на строгое содержаніе при монастырѣ впредь до раскаянія и исправленія".

Кромѣ священника Цвѣткова, діакона Добролюбова и крестьянина Федосѣева, въ суздальской крѣпости сидятъ въ настоящее время еще два священника: Петръ Рудаковъ и Гавріилъ Александровичъ Синцоровъ, а также одинъ монахъ-іеродіаконъ Пименъ изъ Молдавіи, затѣмъ сектантъ крестьянинъ Владимірской губерніи Аникій Антоновичъ Уточкинъ, четыре сектанта, послѣдователи секты еноховцевъ, присланные изъ Саратовской губерніи, и, наконецъ, крестьянинъ Херсонской губерніи, извѣстный сектантъ Ѳедоръ Ковалевъ, замуравившій заживо около 20 человѣкъ своихъ родственниковъ и единомышленниковъ во время всеобщей переписи, которую онъ считалъ дѣломъ антихриста.

Въ 1901 году газетами было сообщено извѣстіе о томъ, что Ковалевъ, по принятіи имъ православія, былъ освобожденъ изъ монастырской тюрьмы. Сообщеніе это, какъ мы имѣли случай лично убѣдиться, не вѣрно, такъ какъ Ковалевъ и до сихъ поръ находится въ тюрьмѣ, хотя со времени своего присоединенія къ православію и пользуется нѣкоторыми льготами, сравнительно съ другими заключенными.

Двое изъ еноховцевъ ведутъ себя очень буйно, называютъ архимандрита монастыря „антихристомъ",

не исполняютъ требованій караульныхъ, а потому ихъ держатъ постоянно, и день и ночь, взаперти, подъ замкомъ и никуда не выпускаютъ изъ камеры. Судя по всему, эти еноховцы несомнѣнно психически больные люди. Нерѣдко по ночамъ они подходятъ къ окнамъ и начинаютъ издавать громкіе, отчаянные крики и вопли, при чемъ можно бываетъ разобрать лишь отдѣльныя слова и фразы, въ родѣ: „Христосъ воскресъ!“ „Антихристъ пришелъ!“ „Іерусалимъ спустился на землю!“ „Святая Троица!“ и т. д.

Вообще процентъ психическихъ заболѣваній среди монастырскихъ узниковъ огромный. Если бы психіатры получили возможность изслѣдовать душевное состояніе лицъ, просидѣвшихъ въ монастырскихъ тюрьмахъ 10, 15, 20 лѣтъ, то можно быть увѣреннымъ въ томъ, что среди этихъ несчастныхъ они нашли бы очень немного лицъ психически здоровыхъ.

При этомъ необходимо имѣть въ виду, что какъ въ прежнее время, такъ отчасти и теперь, въ монастырскія тюрьмы часто и охотно ссылаются именно такія лица, психическая дѣятельность которыхъ болѣе или менѣе нарушена и разстроена. Такъ, когда въ 1829 году, сосланный въ Красноярскъ декабристъ князь Ѳ. П. Шаховской заболѣлъ явнымъ душевнымъ разстройствомъ, то его нашли нужнымъ тогда же перевести въ Суздальскій монастырь, въ тюрьмѣ котораго онъ и умеръ въ тотъ же годъ. Множество подобныхъ примѣровъ можно было бы привести также изъ исторіи Соловецкой тюрьмы. Конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что условія монастырскаго заключенія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны благопріятными для такого рода больныхъ.

Ссылкѣ въ монастыри за религіозныя преступленія подвергаются у насъ не только мужчины, но и женщины. Въ двухъ женскихъ монастыряхъ г. Суздаля: Ризоположенскомъ и Покровскомъ, постоянно находятся женщины, сосланныя туда за тѣ или другіе проступки противъ церкви, чаще же всего за распространеніе разнаго рода ученій, несогласныхъ съ православіемъ. И сейчасъ тамъ находится нѣсколько ссыльныхъ женщинъ, между прочимъ, Настасья Кузьминична Шувина, въ монашествѣ Марія, основательница извѣстнаго Раковскаго монастыря въ Самарской губерніи. У себя на родинѣ, въ Самарской губерніи, она пользовалась популярностью и довѣріемъ населенія, благодаря чему ей и удалось учредить и организовать цѣлый монастырь. Но мѣстное духовенство заподозрило ее въ принадлежности къ хлыстовщинѣ, вслѣдствіе чего начались доносы, возникло дѣло, и въ концѣ концовъ она была сослана въ г. Суздаль, въ Покровскій монастырь.

Сосланныя въ монастыри женщины живутъ въ особыхъ кельяхъ, подъ строгимъ надзоромъ приставленныхъ къ нимъ монахинь, при чемъ имъ воспрещается выходить за ворота монастыря.

IV.

Въ допетровское время право заточать въ монастырскія тюрьмы принадлежало, кромѣ царя,—патріарху, митрополитамъ и даже архіереямъ. Въ XVIII столѣтіи большое число арестантовъ ссылалось въ монастыри сначала по распоряженію тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, а затѣмъ по резолюціямъ Святѣйшаго Синода. Съ 1835 года ссылать въ мона-

стыри можно было не иначе, какъ только по Высочайшему повелѣнію *). Такое распоряженіе, какъ можно думать, явилось результатомъ ревизіи Соловецкаго острога, произведенной въ томъ году по Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе обнаружившихся въ этомъ острогѣ безпорядковъ **).

Ревизія, между прочимъ, обнаружила, что изъ 50-ти человѣкъ арестантовъ, которые сидѣли въ этомъ острогѣ ***), 41 человѣкъ были сосланы туда по Высочайшему повелѣнію, а остальные 9 человѣкъ—разными правительственными учрежденіями: Святѣйшимъ Синодомъ, Комитетомъ Министровъ, Сенатомъ, Главнымъ штабомъ и, наконецъ, одинъ изъ арестантовъ — „Левъ Павловъ — за старообрядчество“ — присланъ „по секретному отношенію Архангельскаго губернскаго правленія“.

Какимъ образомъ болѣе чѣмъ скромное Архангельское губернское правленіе попало въ число высшихъ государственныхъ учрежденій, которыя располагали если не de jure, то de facto правомъ заточать людей въ монастыри—остается совершенно неизвѣстнымъ. Точно такъ же остается неизвѣстнымъ, кто такой былъ Левъ Павловъ, котораго Архангельское

---

*) „Русская Старина“, 1887 г., № 11, стр. 340. Статья М. А. Колчина.

**) Безпорядки эти, между прочимъ, выразились въ томъ, что содержавшійся въ Соловецкой монастырской тюрьмѣ секретный арестантъ поручикъ Горожанскій, несомнѣнно душевно-больной, зарѣзалъ ножомъ часового солдата Скворцова.

***) Въ числѣ этихъ 50-ти человѣкъ были: священники, офицеры, студенты, военные поселяне, крестьяне, дворовые люди, солдаты и бродяги, а также: одинъ учитель приходскаго училища, 1 есаулъ донского войска, 1 чиновникъ 8-го класса, 2 монаха, послушникъ и мѣщанинъ.

губернское правленіе сочло нужнымъ подвергнуть ссылкѣ въ Соловки „за старообрядчество“.

Въ настоящее время ходатайства о ссылкѣ и заключеніи въ монастырь того или другого лица возбуждаются исключительно мѣстными духовными властями,—священниками и миссіонерами, а затѣмъ уже чрезъ епархіальное начальство направляются въ Святѣйшій Синодъ. Если послѣдній признаетъ ходатайство епархіальнаго начальства заслуживающимъ уваженія, то г. оберъ-прокуроръ Синода входитъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ по этому поводу.

Что̀ касается до условій содержанія заключенныхъ въ монастырскихъ тюрьмахъ, а также тѣхъ результатовъ и послѣдствій, какіе достигались и достигаются въ настоящее время подобными заточеніями въ смыслѣ исправленія лицъ, подвергшихся такому наказанію, то объ этомъ мы подробно поговоримъ въ слѣдующихъ главахъ.

V.

При ссылкѣ и заточеніи въ монастыри лицъ, такъ или иначе провинившихся противъ церкви и религіи, обыкновенно преслѣдовались слѣдующія три главныя цѣли. Прежде всего, конечно, имѣлось въ виду лишеніемъ свободы и строгостью ссылки или тюремнаго заключенія наказать виновнаго или же только заподозрѣннаго въ томъ или другомъ религіозномъ преступленіи и проступкѣ; затѣмъ—лишить его возможности распространять свои заблужденія, пресѣчь въ корнѣ пропаганду идей и взглядовъ, которые съ точки зрѣнія церкви признавались ложными, вредными и еретическими; и, наконецъ, исправить его, заставить его раскаяться въ заблужденіяхъ, по воз-

можности привести его снова въ лоно православной церкви.

Въ грамотахъ и инструкціяхъ, при которыхъ присылались въ монастыри ссыльные и арестанты, почти всегда съ большей или меньшей опредѣленностью указывались эти три главныя цѣли ссылки и *заточенія*—такъ обыкновенно называлось заключеніе въ монастырскихъ тюрьмахъ. Въ то же время въ этихъ грамотахъ и инструкціяхъ заключались болѣе или менѣе подробныя наставленія объ условіяхъ ссылки или заточенія, о порядкѣ содержанія арестанта въ тюрьмѣ, о надзорѣ за нимъ, за его сношеніями, за его перепиской и т. д. Въ виду этого знакомство съ такого рода инструкціями и наставленіями, относящимися къ разнымъ эпохамъ нашего прошлаго, представляется весьма интереснымъ и во многихъ отношеніяхъ даже поучительнымъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ инструкцій, наиболѣе типичныхъ, при чемъ начнемъ свое знакомство съ болѣе отдаленныхъ временъ, а именно—съ глубоко знаменательной въ исторіи русской церкви эпохи XVI столѣтія, когда состоялось закрѣпленіе тѣснаго союза церкви съ государствомъ *). Одна изъ первыхъ по времени извѣстныхъ намъ грамотъ такого рода относится къ мрачной эпохѣ Іоанна Грознаго, а именно, къ 1554 году и касается ссылки въ Соловки игумена Троицкаго монастыря Артемія, обвиненнаго духовнымъ соборомъ въ соучастіи и единомысліи съ извѣстнымъ „еретикомъ“, раціоналистомъ XVI вѣка, Башкинымъ.

---

*) Подробнѣе объ этомъ см. у П. Н. Милюкова: „Очерки по исторіи русской культуры“; часть вторая, изданіе 3-е. Спб., 1902 г., стр. 25—33.

Въ этой грамотѣ, писанной отъ имени митрополита Макарія, подробно излагаются обвиненія, взведенныя на Артемія духовнымъ соборомъ, а затѣмъ преподаются наставленія относительно содержанія его въ монастырѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Пребывати же ему (т.-е. Артемію) внутрь монастыря съ великою крѣпостію и множайшимъ храненіемъ, заключену жъ ему быти въ нѣкоей кельѣ молчательной, да яко и тамо душевредный и богохульный недугъ отъ него ни на единаго же да не распространится, и да не бесѣдуетъ ни съ кѣмъ же, ни съ церковными, ни съ простыми того монастыря или иного монастыря мнихи“. Далѣе, строго предписывалось не дозволять ссыльному посылать кому бы то ни было письма и посланія, а также и ему передавать какъ письма, такъ и вещи, отъ кого бы то ни было; словомъ, предписывалось воспрещать ему всякія сношенія, дружбу и сообщеніе съ кѣмъ бы то ни было, „но точію затворену и заключену въ молчаніи сидѣти и каятися о прелести еретичества своего, въ нѣже впаде *).

Такимъ образомъ, въ этой грамотѣ не упоминается о заключеніи Артемія въ монастырскую тюрьму, хотя въ то же время предписывается содержать его со всевозможною строгостью и „крѣпостію“. Изъ этого можно заключить, что въ то время, а именно въ половинѣ XVI столѣтія, въ Соловкахъ не было еще тюремъ. Встрѣчающееся въ грамотѣ выраженіе „келья молчательная“, въ которую предписывается заключить Артемія, не можетъ быть понято въ смыслѣ тюремнаго каземата, тѣмъ болѣе, что нѣсколько

*) „Русская Старина“, 1887 г., кн. XI, статья г. Колчина.

выше въ грамотѣ сказано, чтобы содержать его „внутрь монастыря“.

Мнѣніе это находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ обстоятельствѣ, что въ грамотахъ болѣе поздняго времени, — при которыхъ ссылались въ монастыри колодники,—мы встрѣчаемъ уже вполнѣ опредѣленныя и точныя указанія относительно заключенія ихъ въ ту или другую монастырскую тюрьму или башню. Такъ, при ссылкѣ въ Соловки бывшаго тамбовскаго епископа Игнатія въ 1701 году въ препроводительной грамотѣ писалось:

„Посадить его (Игнатія) въ Головленкову тюрьму и быть ему въ той тюрьмѣ до кончины живота его неисходно, а пищу давать ему противъ таковыхъ же подначальныхъ. А чернилъ, бумаги ему, Ивашкѣ, давать отнюдь не велѣно, и ни отъ кого ему писемъ не принимать и не отдавать, а также и отъ него ни къ кому никакихъ писемъ не принимать же и не отдавать, а буде отъ кого какія письма явятся къ нему, Ивашкѣ, или отъ него, Ивашки, и тѣ письма велѣно отсылать къ Москвѣ въ Преображенскій приказъ“ *).

Въ наше время трудно даже представить себѣ весь ужасъ колодниковъ прежняго времени, томившихся въ монастырскихъ тюрьмахъ и башняхъ. Ни одинъ изъ нихъ не оставилъ намъ описанія своихъ страданій, своего мученичества. Почему не оставили — понять не трудно. Въ инструкціяхъ и указахъ, при которыхъ они высылались, всегда и неизмѣнно значилось, чтобы „бумаги, и чернилъ, и карандаша имъ, колодникамъ, отнюдь не давать“ и чтобы „никакихъ

*) Тамъ же, страница 356.

писемъ они, колодники, ни подъ какимъ видомъ ни къ кому не писали".

Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что въ монастырскіе казематы попадали люди большею частью послѣ пытки, нерѣдко прямо изъ застѣнка. И вотъ, измученные разнообразными пытками, дыбами, избитые „нещадно" кнутами и батогами, съ вырванными ноздрями, съ отрѣзанными языками, они отвозились въ Соловки или же въ другіе „дальніе монастыри" и запирались тамъ въ сырые, темные, холодные погреба, называемые тюремными кельями. Здѣсь они обрекались на вѣчное одиночество, на вѣчное молчаніе, нужду и горе. Казалось, что послѣ ссылки о нихъ совершенно забывали, ихъ вычеркивали изъ списка живыхъ людей. И дѣйствительно, чаще всего только смерть избавляла несчастныхъ узниковъ отъ дальнѣйшихъ страданій, только могила успокаивала ихъ измученныя тѣла.

VI.

Самымъ тяжкимъ наказаніемъ считалось заключеніе въ „земляныхъ тюрьмахъ" или, правильнѣе говоря, въ подземныхъ. Такія тюрьмы существовали не только въ Соловецкомъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ монастыряхъ. Въ Соловкахъ подземныя тюрьмы были устроены подъ одной изъ монастырскихъ башенъ, находящейся въ сѣверо-западномъ углу крѣпости. Судя по стариннымъ описаніямъ, земляныя тюрьмы представляли собою вырытыя въ землѣ ямы въ три аршина глубины; края у нихъ были обложены кирпичомъ; крыша состояла изъ досокъ, на которыя была насыпана земля. Въ крышѣ находилось небольшое отверстіе, закрываемое дверью,

запирающеюся на замокъ, въ которое опускали и поднимали узника, а также подавали ему пищу. Для спанья полъ устилался соломою. Для естественной нужды подавались особыя судна, которыя подымались и очищались разъ въ сутки. Были ли въ этихъ погребахъ печи—осталось неизвѣстно.

Въ этотъ темный, сырой погребъ, вырытый въ землѣ, опускали живого человѣка, часто скованнаго по рукамъ и ногамъ. Въ подобныхъ тюрьмахъ во множествѣ водились крысы, которыя нерѣдко нападали на беззащитнаго узника; были случаи, когда крысы объѣдали носъ и уши у сидѣвшихъ въ подземной тюрьмѣ „преступниковъ". Давать имъ что-либо для защиты отъ этихъ мелкихъ хищниковъ строго воспрещалось. Виновные въ нарушеніи этого правила наказывались чрезвычайно сурово. Такъ, напримѣръ, одинъ караульщикъ за то только, что онъ далъ находившемуся въ Соловецкой земляной тюрьмѣ „вору и бунтовщику Ивашкѣ Салтыкову" палку для обороны отъ крысъ, былъ „за такую поблажку битъ нещадно плетьми".

Изрѣдка только, и при томъ далеко не всѣмъ, заключеннымъ въ земляныхъ тюрьмахъ удавалось выходить на свѣтъ Божій и посѣщать церковь. Такъ, въ одномъ наказѣ, относящемся къ концу XVII столѣтія, предписывается арестанта, заключеннаго въ земляную тюрьму, Мишку Амирева, во время церковнаго пѣснопѣнія вынимать изъ тюрьмы, а по окончаніи службы снова сажать его туда. Заключеніе въ подземныя монастырскія тюрьмы особенно широко примѣнялось въ царствованіе Петра I.

Впрочемъ, необходимо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ заключеніе въ подземныя тюрьмы

практиковалось и значительно позднѣе, а именно, во второй половинѣ XVIII столѣтія. Такъ, напримѣръ, по словамъ В. И. Семевскаго, въ 1768 году въ подземную тюрьму, находившуюся въ женскомъ Ивановскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, была посажена по приговору суда извѣстная Салтычиха, которая и просидѣла въ этой тюрьмѣ 11 лѣтъ.

Чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе объ условіяхъ монастырскаго заточенія прежняго времени, необходимо перечитать и пересмотрѣть такъ называемыя секретныя дѣла Преображенскаго приказа, канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ и прочихъ аналогичныхъ учрежденій того времени, допросы, указы о ссылкѣ, инструкціи о содержаніи колодниковъ въ монастырѣ и т. п.

Указы о ссылкѣ и заточеніи того или другого лица обыкновенно посылались мѣстному губернатору и въ то же время архимандриту монастыря „съ братіею“. Выше мы упоминали, что при ссылкѣ въ Соловки игумена Артемія въ указѣ митрополита Макарія были подробно изложены всѣ тѣ обвиненія, которыя возведены были противъ него духовнымъ соборомъ и въ силу которыхъ онъ обреченъ былъ на заключеніе въ монастырь. Но если въ то время, въ половинѣ XVI вѣка, считалось необходимымъ подробно мотивировать въ указахъ причины, вызвавшія ссылку въ монастырь того или другого лица, то впослѣдствіи этотъ обычай былъ уже совершенно оставленъ, и въ указахъ XVII и XVIII столѣтій очень рѣдко можно встрѣтить сколько-нибудь подробныя указанія на то, въ чемъ именно состояли преступленія лица, подвергшагося столь суровому наказанію.

Чаще же всего въ такого рода указахъ писалось

такъ: „за вину его“ или „за многія его, колодника, вины“, вмѣсто смертной казни, учинить казнь, „бить нещадно кнутомъ“ или „вырѣзать языкъ“ и „сослать въ ссылку въ Соловецкій монастырь, въ заключеніе, въ Короженскую тюрьму вѣчно, и та казнь ему, колоднику, учинена и посланъ до Соловецкаго монастыря съ унтеръ-офицеромъ такимъ-то и съ солдаты“.

Если же иногда въ указахъ и объяснялось, въ чемъ состояла вина или преступленіе, вызвавшее ссылку, то обыкновенно объясненіе это дѣлалось въ самыхъ общихъ выраженіяхъ.

Такъ, напримѣръ, при ссылкѣ въ Соловки князя Ефима Мещерскаго, въ указѣ, подписанномъ предсѣдателемъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, Петромъ Андреевичемъ Толстымъ, отъ 15 января 1722 года, велѣно его, Мещерскаго, „за показанныя отъ него противности благочестію, послать въ Соловецкій монастырь, для содержанія до кончины жизни его“. Но въ чемъ именно состояли эти „противности благочестію“ со стороны опальнаго князя, ни слова не сказано.

VII.

За то во всѣхъ этихъ указахъ и инструкціяхъ подробно излагаются правила о томъ, какъ содержать въ монастырѣ колодниковъ. Въ указахъ на имя архимандрита обыкновенно писалось: „а когда оный колодникъ въ Соловецкій монастырь привезенъ будетъ, и ты бъ, богомолецъ нашъ, архимандритъ (такой-то) съ братіею, его, колодника, въ Соловецкій монастырь приняли и посадили бы въ Короженскую тюрьму *вѣчно* и велѣли держать его тамъ *безвыходно*, чтобъ онъ, колодникъ, изъ оной тюрьмы не ушелъ, и бу-

маги и чернилъ ему не давать; и ежели онъ, колодникъ, сидя въ тюрьмѣ, станетъ кричать и сказывать за собою наше государево слово и дѣло, и такихъ приносимыхъ отъ него словъ не слушать".

Или же, напримѣръ, въ такомъ родѣ: „И состоять ему, колоднику, въ крѣпкой тюрьмѣ, подъ смотрѣніемъ того монастыря архимандрита, а караульнымъ унтеръ-офицеру и солдатамъ имѣть крѣпкое и неусыпное надъ нимъ, колодникомъ, смотрѣніе и осторожность, чтобъ при немъ пера, чернилъ и бумаги отнюдь не было, и чтобъ онъ ни съ кѣмъ и ни о чемъ ни въ какіе разговоры не вступалъ и ничего бы непристойнаго не разглашалъ и не говорилъ, чего ради къ нему не токмо изъ постороннихъ никого, но и изъ монастырской братіи и служителей ни въ келью, ниже во время слушанія литургіи и прочаго церковнаго пѣнія, ни для чего не допускать и разговаривать запрещать" *).

Особенное вниманіе при этомъ обращалось на то, чтобы колодники „ни съ кѣмъ и никогда о *вѣрѣ* никакихъ разговоровъ къ бо́льшему вымышленной своей прелести и противныхъ благочестію дерзостей размноженію имѣть не могли, но пребывали бы въ покаяніи и питаемы были хлѣбомъ слезнымъ".

Изъ всѣхъ этихъ наставленій, между прочимъ, нельзя не видѣть, какія тяжелыя обязанности возлагались въ то время на архимандритовъ и монастырскую братію относительно надзора за лицами, обвиненными или же только заподозрѣнными въ преступленіяхъ противъ вѣры и церкви и за это попавшихъ въ разрядъ колодниковъ и арестантовъ.

---

*) „Архангельскія Губ. Вѣдомости", 1875 г., № 24.

Необходимо, однако, замѣтить, что эти обязанности, столь несвойственныя призванію и сану монаха и въ частности архимандрита, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ лежатъ еще на игуменахъ и настоятеляхъ тѣхъ монастырей, въ которые и по настоящее время производится еще ссылка разныхъ лицъ за религіозныя преступленія.

Что касается продовольствія монастырскихъ узниковъ пищею, то и въ этомъ отношеніи ихъ далеко не баловали. Только въ рѣдкихъ случаяхъ разрѣшалось отпускать тому или другому колоднику пищу изъ братской трапезы; чаще же всего предписывалось: „пищу давать только хлѣбъ да воду и подавать (ихъ) въ окно капралу". Затѣмъ строго воспрещалось имѣть колодникамъ при себѣ деньги и какія бы то ни было вещи.

Нѣкоторыхъ колодниковъ не только запирали подъ замокъ, но еще запечатывали двери ихъ тюремныхъ келій особыми печатями, а для наблюденія за этимъ откомандировывались особые офицеры и солдаты. Вотъ отрывокъ изъ инструкціи, данной одному изъ такихъ офицеровъ: „Когда онъ, колодникъ, посаженъ будетъ въ тюрьму, тогда къ нему приставить караулъ, и всегда бы съ ружьями было по два человѣка на часахъ; одинъ отъ гвардіи, а другой изъ гарнизонныхъ. Двери бъ были за замкомъ и за твоею печатью, а у тюрьмы окошко было бъ малое, гдѣ пищу подавать; да и самому тебѣ въ тюрьму къ нему не ходить, нежели другихъ кого допускать, и его, колодника, въ церковь не допускать. А когда онъ (колодникъ) заболитъ и будетъ весьма близокъ къ смерти, то по исповѣди пріобщить его св. тайнъ въ тюрьмѣ, гдѣ онъ содержится, и

для того двери отпереть и распечатать, а по причащеніи, оныя двери запереть и запечатать тебѣ своею печатью и приказать хранить накрѣпко, какъ въ прежнихъ указахъ объявлено"...*)

Вотъ уже поистинѣ заживо погребенные!

Всѣ подобныя наставленія всегда и неизмѣнно сопровождались и заканчивались угрозами, что за малѣйшее неисполненіе инструкціи и слабость надзора виновные въ томъ будутъ немедленно подвергнуты „осужденію и истязанію" по всей строгости военныхъ артикуловъ... Подобныя угрозы не могли, конечно, не оказывать своего дѣйствія.

Насколько строго выполнялись всѣ эти указы и инструкціи, можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго случая. Одинъ изъ заточенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ—князь Василій Лукичъ Долгоруковъ—тяжко заболѣлъ; ему понадобился духовникъ. Но такъ какъ въ указѣ, при которомъ онъ былъ присланъ, сказано было, чтобы „никого изъ постороннихъ къ нему въ келью не допускать", то поэтому ни архимандритъ, ни караульный офицеръ не рѣшились исполнить требованія умирающаго и кончили тѣмъ, что вошли по этому поводу съ особымъ представленіемъ въ архангельскую губернскую канцелярію. Но въ свою очередь и губернская канцелярія также не осмѣлилась удовлетворить просьбу больного узника и обратилась за разрѣшеніемъ этого вопроса въ Сенатъ, который указомъ отъ 29 марта 1731 года предписалъ губернатору, въ случаѣ крайней необходимости, допустить отца духовнаго въ келью князя Долгорукова **).

*) „Архангельскія Губ. Вѣдомости" 1875 г., № 25.

**) Тамъ же.

Нѣкоторые узники всю жизнь сидѣли скованными въ цѣпяхъ. Эти цѣпи снимались съ нихъ только послѣ смерти... Страшное, кровавое время! Мрачнымъ, но, къ счастью, далекимъ призракомъ глядитъ оно на насъ.

VIII.

Въ виду того, что при описаніи условій ссылки и заточенія въ нашихъ монастыряхъ мы до сихъ поръ главнымъ образомъ основывались на свѣдѣніяхъ и данныхъ, относящихся лишь до Соловецкаго и Суздальскаго Спасо-Евфиміевскаго монастырей, у читателя можетъ явиться мысль, что только эти два монастыря и служили у насъ мѣстомъ ссылки и заточенія. Но такое предположеніе совершенно не соотвѣтствовало бы истинѣ, такъ какъ ссылка въ монастыри въ прежнія времена производилась у насъ на Руси въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и притомъ за самыя разнообразныя преступленія.

Въ XVI—XVIII столѣтіяхъ весьма многіе изъ нашихъ монастырей играли роль государственныхъ тюремъ для заключенія въ нихъ всѣхъ наиболѣе важныхъ преступниковъ не только противъ церкви и религіи, но и противъ государства и правительства, противъ общественной нравственности и т. д. При этомъ ссылка въ монастыри, какъ извѣстно, нерѣдко сопровождалась насильнымъ постриженіемъ въ монашество. Мѣра эта особенно часто практиковалась по отношенію лицъ, подвергшихся ссылкѣ по мотивамъ политическаго или, вѣрнѣе, династическаго характера.

Обычай насильнаго постриженія перешелъ къ намъ, какъ и многіе другіе „лихіе“ обычаи, изъ Византіи.

Тамъ часто противъ воли постригали тѣхъ лицъ, которыя, живя въ мiру, могли служить помѣхой чьимъ-либо цѣлямъ. Императоры постригали въ монастыри опасныхъ имъ родственниковъ и придворныхъ, мужья постригали женъ, успѣвшихъ имъ надоѣсть или по той или другой причинѣ ненужныхъ имъ. „Насильно постригаемые, вынужденные передъ лицомъ Бога отказаться отъ всѣхъ мiрскихъ притязанiй, изгнанные изъ мiра и лишенные свѣтскихъ правъ, сходили такимъ образомъ навсегда и безповоротно съ дороги своихъ притѣснителей *). У насъ въ Россiи особенно охотно пользовались этимъ обычаемъ великiе князья: Иванъ III, Василiй Ивановичъ, Иванъ Грозный, Борисъ Годуновъ и нѣкоторые изъ послѣдующихъ московскихъ царей.

Назовемъ здѣсь хотя нѣкоторые изъ тѣхъ монастырей, которые — помимо Соловецкаго и Суздальскаго — служили мѣстомъ ссылки и заточенiя. Вотъ эти монастыри: Николаевскiй Корельскiй, Архангельской губ., Сiйскiй, на Сѣверной Двинѣ, Спасо-Прилуцкiй, близь Вологды, Новгородъ-Сѣверскiй, Кирилло-Бѣлозерскiй, Валаамъ, Спасо-Преображенскiй, въ Старой Руссѣ, Юрьевскiй, близъ Новгорода, Псковскiй, Свiяжскiй, Казанской губернiи, Далматовскiй Успенскiй, Пермской губ., Троицкiй Селенгинскiй, близъ Байкала, Вознесенскiй Иркутскiй, Успенскiй Нерчинскiй и т. д.

Все это мужскiе монастыри. Женщины же ссылались главнымъ образомъ въ слѣдующiе женскiе монастыри: Покровскiй и Ризоположенскiй въ г. Суз-

---

*) „Благовѣрная великая княгиня Соломонiя (Сабурова) во иночествѣ Софiя". Владимiръ, 1900 г., стр. 17.

далѣ, Владимірской губ., Далматовскій Введенскій, Пермской губ., Кашинскій, Тверской губ., Енисейскій Рождественскій, Иркутскій Знаменскій и друг.

Условія ссылки и заточенія во всѣхъ этихъ монастыряхъ въ прежнее время были почти тѣ же самыя, что въ Соловецкомъ и Суздальскомъ монастыряхъ. Такъ, напримѣръ, относительно указанныхъ нами выше сибирскихъ монастырей сообщалось въ печати, что въ нихъ „находились *обширныя тюрьмы*", куда заточались раскольники и другіе наиболѣе важные преступники, при чемъ очень многіе изъ нихъ присылались не только безъ объясненія того, въ чемъ состояла ихъ вина, но даже безъ обозначенія ихъ имени и фамиліи. Такимъ образомъ это были анонимные преступники.

„Сосланные состояли на отвѣтственности монастырскихъ начальствъ, и настоятели по этому случаю имѣли переписку съ воеводствами". Заключенные въ этихъ монастыряхъ арестанты содержались въ отдѣльныхъ казематахъ, или „каютахъ", и притомъ въ „заклёпныхъ желѣзахъ", т.-е. закованными въ цѣпяхъ. Особенно были переполнены тюрьмы Троицкаго Селенгинскаго монастыря.

Одинаковыя условія заточенія вызывали среди узниковъ, разумѣется, и одинаковыя послѣдствія, а именно, преждевременную смерть и огромный процентъ душевныхъ и психическихъ заболѣваній. „Много тамъ (т.-е. въ Троицкомъ Селенгинскомъ монастырѣ) погибло людей, сосланныхъ безъ показанія ихъ имени,— говоритъ авторъ статьи: „Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ";—изъ отписокъ настоятелей монастыря видно, что время отъ времени они увѣдомляли начальство Селенгинскаго острога о смер-

ти безымянныхъ колодниковъ. Мнѣ попались въ руки двѣ бумаги, гдѣ въ одной монастырское начальство доводитъ до свѣдѣнія, что неизвѣстные два преступника отъ долгаго сидѣнія сошли съ ума и вскорѣ потомъ умерли. Другая бумага такого содержанія: по уничтоженіи тайной канцеляріи, велѣно было начальству Селенгинскаго монастыря освободить всѣхъ своихъ заключенныхъ, но при этомъ оказалось, что содержавшіеся тамъ колодники *всѣ померли*, остался на-лицо только одинъ, бывшій сибирскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Родіонъ Ковалевъ, просидѣвшій закованнымъ въ монастырской тюрьмѣ, въ одиночномъ заключеніи, болѣе двадцати пяти лѣтъ. Когда выпустили изъ каюты (!) этого несчастнаго мученика, то онъ оказался совершенно сумасшедшимъ и почти ничего не говорилъ. По донесеніи настоятеля о таковомъ состояніи Ковалева, этого страдальца велѣно было отдать на попеченіе роднымъ, если таковые у него окажутся" *).

Въ той же статьѣ находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о женскихъ монастырскихъ тюрьмахъ. Оказывается, что въ Енисейскомъ Рождественскомъ монастырѣ „было устроено особое тюремное отдѣленіе съ желѣзными рѣшетками, для помѣщенія преступницъ женскаго пола". Въ прежнее время въ этотъ монастырь ссылалось много женщинъ, часто безъ обозначенія именъ и фамилій. „Находились и такія заключенницы, которыя, бывъ обречены вѣчному заточенію, помѣщались въ отдѣльныхъ каютахъ (т.-е. казематахъ), и ихъ даже не велѣно было выпускать въ

---

*) „Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ", „Русское Слово", 1861 г., августа, стр. 24—25.

храмъ Божій. Наказаніе ссылкою лицъ женскаго пола имѣло различныя степени: однѣхъ посылали на извѣстный срокъ и потомъ возвращали, другія, напротивъ, важныя преступницы погибали въ монастырской тюрьмѣ безвозвратно“ *).

Необходимо замѣтить, что многіе изъ перечисленныхъ нами выше монастырей служили мѣстомъ ссылки и заточенія не только въ прежнія времена, но и въ болѣе близкую къ намъ эпоху, а именно, въ теченіе только-что минувшаго XIX столѣтія.

IX.

Переходя къ девятнадцатому вѣку, мы, разумѣется, въ правѣ ожидать, что этотъ прославленный вѣкъ гуманности и стремленій къ свободѣ неизбѣжно долженъ былъ если не окончательно сдѣлать невозможнымъ примѣненіе такой чисто средневѣковой формы наказанія, какой является ссылка и заточеніе въ монастыри, то во всякомъ случаѣ долженъ былъ благопріятнымъ образомъ отразиться на состояніи монастырскихъ тюремъ и условіяхъ содержанія въ нихъ узниковъ.

Къ сожалѣнію, дѣйствительность не особенно-то оправдываетъ эти радужныя, хотя и вполнѣ законныя, конечно, надежды: монастырскія тюрьмы уцѣлѣли и не только уцѣлѣли, но, благополучно просуществовавъ еще цѣлое столѣтіе, столь же благополучно перешли и въ XX вѣкъ...

Улучшились ли онѣ теперь? Улучшилось ли положеніе лицъ, обреченныхъ на заключеніе въ этихъ

---

*) Тамъ же.

тюрьмахъ? Несомнѣнно, по сравненію съ XVII и первой половиной XVIII столѣтія, настоящее положеніе монастырскихъ тюремъ и условій заключенія въ нихъ значительно измѣнилось къ лучшему.

Уже къ началу XIX вѣка были давно забыты чудовищныя подземныя тюрьмы, забыты „каменные мѣшки“ въ монастырскихъ стѣнахъ и башняхъ, въ которые замуравливали раскольниковъ, сектантовъ и другихъ „еретиковъ“; забыты плети, батоги и „нещадное битье“ арестантовъ, сидѣвшихъ въ монастырскихъ тюрьмахъ,—за разныя ихъ провинности. И тѣмъ не менѣе, однако, даже сейчасъ, въ наши дни, положеніе монастырскихъ узниковъ не можетъ быть охарактеризовано иначе, какъ въ высшей степени тягостнымъ и ужаснымъ—въ полномъ смыслѣ этого слова.

Но прежде чѣмъ говорить о настоящемъ состояніи монастырскихъ тюремъ, необходимо познакомиться хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, съ условіями монастырскихъ заточеній, существовавшими какъ въ первой половинѣ XIX вѣка, такъ и во второй, только-что пережитой нами. Это дастъ намъ возможность судить о томъ, насколько медленно и съ какими огромными затрудненіями проникали и проникаютъ въ эту область всякаго рода улучшенія, имѣвшія цѣлью облегчить тяжелое положеніе монастырскихъ узниковъ.

Относительно содержанія арестантовъ въ Соловецкой монастырской тюрьмѣ г. Колчинъ сообщаетъ, что съ начала XIX столѣтія „жизненная обстановка арестантовъ нѣсколько улучшилась. Ихъ стали помѣщать не въ сырые, душные казематы, а въ болѣе сухіе и свѣтлые новые арестантскіе чуланы. Арестан-

товъ, коихъ не велѣно было держать въ особомъ уединенномъ мѣстѣ, запирали въ чуланы только на ночь, а днемъ они свободно могли сходиться въ коридорахъ и посѣщать другъ друга“.

Но при этомъ необходимо, однако, имѣть въ виду, что то или иное положенiе узниковъ въ монастыряхъ если не всецѣло, то въ весьма значительной степени зависѣло отъ личнаго усмотрѣнiя, отъ личныхъ качествъ отца-настоятеля. „Многое относительно строгости или слабости содержанiя арестантовъ,—писалъ г. Колчинъ, — зависѣло отъ настоятеля монастыря, который въ Соловкахъ былъ самъ богъ, самъ царь. При добрыхъ, гуманныхъ настоятеляхъ арестантамъ жилось сносно: ихъ водили въ церковь по праздникамъ, сами они ходили за водой на канаву за полверсты отъ монастыря, попеременно ходили на монастырскую кухню за пищей, каждую недѣлю мылись въ банѣ, прогулки тоже разрѣшались. Но все это дозволялось лишь зимою, когда въ монастырѣ никого посторонняго не бываетъ; лѣтомъ арестантовъ ни въ церковь, ни за водой, ни куда бы то ни было не выпускали; въ баню все-таки водили раннимъ утромъ, когда еще народъ спалъ“.

Такъ въ первой половинѣ XIX вѣка жилось монастырскимъ узникамъ при „добрыхъ и гуманныхъ“ настоятеляхъ. Но условiя ихъ заключенiя быстро и рѣзко мѣнялись, какъ только въ должности настоятеля появлялся человѣкъ иного склада, иныхъ воззрѣнiй. Такъ, напримѣръ, въ Соловецкомъ монастырѣ „при настоятеляхъ суровыхъ, строгихъ положенiе арестантовъ дѣлалось несноснымъ: ихъ томили въ душныхъ чуланахъ, не выпуская даже для естественной нужды, плохо кормили, жалобы на дурное

обращеніе стражи, которая старалась поддѣлаться подъ тонъ начальству, оставались безъ всякаго вниманія, прогулки воспрещались" *).

Одинъ изъ соловецкихъ узниковъ, священникъ Лавровскій, слѣдующимъ образомъ описываетъ условія монастырскаго заточенія при архимандритѣ Досиѳеѣ Нѣмчиновѣ, въ началѣ 30-хъ годовъ: „тюрьма Соловецкая при архимандритѣ Досиѳеѣ была, дѣйствительно, несноснымъ игомъ. Въ каждомъ чуланѣ, всегда почти запертомъ, трехъ аршинъ длины, въ два аршина съ двумя или тремя вершками ширины, находилось по два арестанта; между двухъ коекъ былъ проходъ только для одного узника; рамы не имѣли форточекъ, отчего воздухъ стѣснительный дѣлался удушающимъ, и одно милосердіе Божіе спасало страдальцевъ. Для естественной нужды не дозволялось выходить въ нужное мѣсто, куда однажды только въ сутки выносили арестанты изъ чулановъ свои судна („параши") для очищенія. Пища давалась убогая; арестанты восхищались отъ радости, когда имъ изрѣдка приносимъ былъ мягкій хлѣбъ. Въ продолжительныя зимнія ночи узникамъ не дозволялось при огнѣ и поужинать; посему, держа только предъ лицомъ ложку, ощупью употребляли они пищу. Но всѣхъ прискорбій тогдашняго содержанія и объявить не можно" **).

Стоитъ только на минуту остановиться и вникнуть въ это краткое и безыскусственное описаніе, чтобы представить себѣ то поистинѣ ужасное существованіе, то мучительство, на которое обрека-

---

*) „Рус. Старина", 1887 г., № 10.
**) Тамъ же, стр. 64.

лись въ 30-ые годы несчастные арестанты монастырскаго острога. Между тѣмъ, именно, въ 30-ые-то годы ссылка въ монастырскія тюрьмы была особенно въ ходу. Вообще императоръ Николай Павловичъ былъ большой сторонникъ этой мѣры, и она, дѣйствительно, очень широко примѣнялась въ теченіе всего его царствованія. Онъ ссылалъ въ монастыри не только религіозныхъ преступниковъ, но и политическихъ; такъ, между прочимъ, при немъ были сосланы въ Соловки въ 1828 году студенты Московскаго университета Николай Поповъ и Михаилъ Критскій, какъ „изобличенные въ соучастіи въ злоумышленномъ обществѣ“ (по дѣлу декабристовъ). Значительно позднѣе, а именно въ 1850 году въ Соловецкую тюрьму былъ сосланъ бывшій студентъ изъ полтавскихъ дворянъ Георгій Андрузскій „за вредный образъ мыслей и злонамѣренныя сочиненія“.

Ссылка въ Соловки одно время угрожала даже нашему великому поэту А. С. Пушкину. Его извѣстная „Ода вольности“ и тотъ фактъ, что Пушкинъ открыто показывалъ своимъ сосѣдямъ въ театрѣ портретъ Лувеля, убійцы герцога Беррійскаго, вызвали противъ него преслѣдованія администраціи. Пушкину грозило преданіе суду и *ссылка въ Соловецкій монастырь* или въ Сибирь. Благодаря энергичнымъ хлопотамъ его друзей, страшная опасность, угрожавшая поэту, къ великому счастью Россіи— миновала, и вмѣсто Соловокъ онъ попалъ въ Екатеринославъ.

А. С. Пушкинъ былъ не единственнымъ представителемъ литературы, которому угрожало заточеніе въ монастырѣ. Значительно позднѣе, а именно въ

началѣ 60-хъ годовъ, къ ссылкѣ въ Соловецкій монастырь былъ приговоренъ извѣстный писатель Аѳ. Прок. Щаповъ за устройство имъ панихиды по Петровѣ, вызвавшемъ крестьянскія волненія въ селѣ Безднѣ, Казанской губерніи. Біографъ Щапова, профессоръ Н. Я. Аристовъ, сообщаетъ, что „когда кончилось слѣдствіе надъ студентами Казанской духовной академіи (принимавшими участіе въ панихидѣ) и многимъ изъ нихъ было опредѣлено наказаніе, тогда Св. Синодъ приговорилъ и Щапова, какъ принадлежащаго къ духовному вѣдомству и виновника панихиды, *сослать въ Соловецкій монастырь* на смиреніе“ *).

По словамъ Аристова, „пришлось много хлопотать, чтобы синодское опредѣленіе не приводилось въ исполненіе, а Щапову оно доставило сильныя непріятности, и онъ сгоряча совсѣмъ было написалъ и подалъ прошеніе, чтобы его сослали лучше въ Сибирь, а не въ заточеніе на Соловецкомъ „отокѣ океана-моря“. Нѣкоторыя изъ высокопоставленныхъ лицъ приняли участіе въ Щаповѣ и доказали, что онъ, какъ прощенный государемъ императоромъ, уже не подлежитъ суду духовнаго начальства“ **).

Но если Щапову, благодаря ходатайствамъ вліятельныхъ лицъ, удалось избѣжать Соловецкой тюрьмы, то другой наиболѣе активный участникъ этой исторіи, священникъ Яхонтовъ, совершавшій панихиду по Антонѣ Петровѣ, жестоко поплатился за это: по рѣшенію Св. Синода онъ былъ сосланъ въ

---

*) Н. Я. Аристовъ: „Аѳанасій Прок. Щаповъ“, Спб. 1883 г., стр. 73.

**) Тамъ же.

Соловецкій монастырь. Ссылка эта отразилась на немъ крайне печально: Яхонтовъ заболѣлъ психическимъ разстройствомъ. Впослѣдствіи, оправившись отъ болѣзни, онъ поступилъ въ монахи Соловецкаго монастыря, а затѣмъ былъ посланъ въ Сибирь въ качествѣ миссіонера.

X.

Инструкціи 20-хъ и 30-хъ годовъ, опредѣлявшія условія содержанія въ монастырской тюрьмѣ и порядокъ надзора за арестантами, отличаются большою строгостью. Въ случаяхъ болѣе важныхъ составлялись даже двѣ инструкціи: одна—гражданскимъ начальствомъ, Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, другая — духовнымъ вѣдомствомъ. При ссылкѣ, напримѣръ, въ 1820 году въ Суздальскій Спасо-Евфиміевскій монастырь основателя скопческой секты, знаменитаго Кондратія Селиванова, кромѣ инструкціи, данной архимандриту этого монастыря министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ В. П. Кочубеемъ, была прислана еще особая инструкція, не только составленная лично Михаиломъ, митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ, но и имъ собственноручно переписанная.

Эти инструкціи, главнымъ образомъ, настаивали на соблюденіи слѣдующихъ четырехъ пунктовъ: 1) чтобы арестантъ ни съ кѣмъ не имѣлъ никакихъ сношеній, кромѣ тѣхъ лицъ, коихъ изъ числа монашествующихъ архимандритъ назначитъ для увѣщанія его и спасительной для него бесѣды; 2) чтобы не было доставляемо къ нему ни писемъ, ни посылокъ, ни подаяній; онъ долженъ быть удаленъ

отъ всякаго сношенія съ людьми посторонними; 3) чтобы всемѣрно сокрыто было и нахожденіе его въ монастырѣ, и, наконецъ, въ 4) чтобы вся переписка по этому дѣлу сохранялась въ строгой тайнѣ.

Исполняя требованія инструкціи, владимірскій губернаторъ писалъ архимандриту, что онъ съ своей стороны считаетъ необходимымъ, „дабы къ отклоненію самомалѣйшихъ поползновеній единомышленниковъ сего арестанта въ сообщеніи съ нимъ, мѣсто, въ которомъ онъ содержится, охраняемо было карауломъ внутренней стражи по крайней мѣрѣ изъ четырехъ человѣкъ; о точномъ и безостановочномъ исполненіи по сему случаю всѣхъ требованій вашихъ дано съ симъ вмѣстѣ начальнику Суздальской инвалидной команды строгое предписаніе“. Вмѣстѣ съ этимъ губернаторъ проситъ архимандрита по истеченіи каждаго мѣсяца увѣдомлять его, „въ какомъ будетъ находиться положеніи здоровья арестантъ, объ его образѣ мыслей и жизни, а также не замѣчено ль будетъ со стороны единомышленниковъ его какихъ-либо происковъ и покушеній на счетъ открытія мѣстопребыванія его или сообщенія съ нимъ“.

Только одного человѣка разрѣшено было посвятить въ тайну относительно заключенія Селиванова, а именно, суздальскаго городничаго Макова, которому,—писалъ губернаторъ архимандриту,—„вмѣнено въ обязанность наблюдать секретнѣйшимъ образомъ за движеніями единомышленниковъ арестанта, въ вѣдомствѣ вашемъ состоящаго, за пріѣздомъ ихъ и прочемъ, сноситься обо всемъ лично съ вашимъ высокоблагословеніемъ и исполнять въ случаѣ надобности требованія ваши“.

Въ видахъ соблюденія бóльшей тайны, воспрещено

было употреблять въ перепискѣ самое имя „секретнаго арестанта“, т.-е. Селиванова, а предписано было называть его не иначе, какъ „старикомъ, начальникомъ секты скопцовъ“. Находящееся въ монастырскомъ архивѣ дѣло о Селивановѣ озаглавлено такъ: „Секретное дѣло о старикѣ, начальникѣ секты скопцовъ, по имени неизвѣстномъ, присланномъ при отношенiи графа Кочубея 17 iюля 1820 года“.

Однако, всѣ эти мѣры, какъ можно видѣть изъ подлиннаго дѣла, совсѣмъ не достигли своей цѣли: о заточенiи Селиванова въ Суздальскомъ монастырѣ вскорѣ же узнали его послѣдователи, а затѣмъ и всѣ интересовавшiеся его судьбой. Точно такъ же не помогли и всѣ строгости надзора и караула: сидя въ одиночномъ заключенiи, Селивановъ сумѣлъ войти въ сношенiе съ своими сторонниками.

Царившiй въ то время графъ Аракчеевъ являлся большимъ сторонникомъ системы монастырскихъ заточенiй, поэтому во все время его могущества ссылка въ монастыри, такъ называемыхъ, „религiозныхъ преступниковъ“ примѣнялась въ широкихъ размѣрахъ, несмотря на мягкое и гуманное отношенiе Александра I. Между прочимъ, подъ влiянiемъ жестокаго временщика, были заточены въ монастыри извѣстные мистики того времени, помѣщики Рязанской губернiи: А. П. Дубовицкiй и Л. М. Гагинъ—первый въ Кирилло-Бѣлозерскiй, а второй — въ Валаамовъ монастырь *).

Въ тридцатыхъ годахъ сторонникомъ той же системы наказанiя за религiозные проступки и испра-

---

*) Н. Ф. Дубровинъ: „Наши мистики“, „Русская Старина“, 1895—96 г.

вленія отъ религіозныхъ заблужденій путемъ ссылки въ монастыри являлся, между прочимъ, начальникъ штаба корпуса жандармовъ, извѣстный генералъ Дубельтъ. По его инниціативѣ начаты были гоненія противъ членовъ религіознаго „союза братства", во главѣ котораго стояла Е. Ф. Татаринова, урожденная баронесса Буксгевденъ. Возбужденное Дубельтомъ дѣло объ этомъ „союзѣ" закончилось цѣлымъ рядомъ монастырскихъ заточеній. Сама Татаринова вмѣстѣ со своей воспитанницей Васильевою была сослана въ Кашинскій женскій монастырь, Тверской губерніи; тайный совѣтникъ Поповъ сосланъ въ Казанскій Зилантовъ монастырь, гдѣ онъ и умеръ; статскій совѣтникъ Пилецкій—въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь; титулярный совѣтникъ Ѳедоровъ—въ Юрьевскій монастырь, а жена его—въ Святодуховъ монастырь, Новгородской епархіи, и т. д.

XI.

Какъ въ прежнее далекое отъ насъ время, такъ и теперь въ наши дни при ссылкѣ и заточеніи въ монастыри совсѣмъ не указывается *срока*, на который то или другое лицо подвергается этому наказанію. Въ указахъ и постановленіяхъ, при которыхъ ссылаются въ монастыри эти лица, обыкновенно предписывается только содержать ихъ въ тюрьмѣ „впредь до раскаянія" или же „впредь до исправленія", иногда же просто — „для смиренія", безъ всякаго указанія срока. Эта безсрочность ссылки и тюремнаго заключенія всего болѣе, конечно, отягчаетъ и безъ того въ высшей степени печальное положеніе монастырскихъ узниковъ и ссыльныхъ.

Чтобы дать представленіе о томъ, насколько продолжительно бываетъ заключеніе въ монастырскихъ тюрьмахъ, мы приведемъ здѣсь нѣсколько данныхъ, въ точности которыхъ невозможно сомнѣваться. Въ „Русской Старинѣ" г. Колчинымъ былъ, между прочимъ, напечатанъ списокъ всѣхъ арестантовъ, сидѣвшихъ въ Соловецкой тюрьмѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1855 года.

Списокъ этотъ былъ составленъ архимандритомъ монастыря Александромъ, по требованію оберъ-прокурора Св. Синода, тайнаго совѣтника А. И. Карасевскаго. Въ этомъ спискѣ значится 19 человѣкъ арестантовъ, изъ которыхъ нѣкоторые сидѣли въ тюрьмѣ—страшно сказать—20, 30, 40, 50, 60 лѣтъ и даже болѣе!

Такъ, напримѣръ, бывшій игуменъ Селенгинскаго монастыря Израиль, лишенный игуменства, священства и монашества за основаніе новой секты и „прочія богопротивныя дѣйствія", сидѣлъ въ тюрьмѣ 21 годъ. Крестьянинъ Калужской губерніи помѣщика Дурново Степанъ Сергѣевъ „за крещеніе себя старообрядчески двуперстнымъ сложеніемъ и разсказы нелѣпостей, происходящихъ отъ религіознаго изступленія", сидѣлъ въ тюрьмѣ 25 лѣтъ. Крестьянинъ Саратовской губерніи, Аткарскаго уѣзда, Егоръ Аѳанасьевъ „за неисполненіе имъ духовной эпитеміи (наложенной на него), за убіеніе малолѣтняго своего сына и отступленіе отъ православія въ расколъ" сидѣлъ въ тюрьмѣ 29 лѣтъ.

Петербургскій мѣщанинъ Семенъ Кононовъ „за обращеніе къ скопческой сектѣ и закоснѣніе въ пагубныхъ заблужденіяхъ" сидѣлъ въ тюрьмѣ 33 года. Крестьянинъ графа Головкина Антонъ Дмитріевъ

„за оскопленіе себя и распространеніе этой секты“ сидѣлъ въ тюрьмѣ 37 лѣтъ. Крестьянинъ Вятской губерніи Семенъ Шубинъ, сосланный „по Высочайшей конфирмаціи, послѣдовавшей на рѣшеніе Правительствующаго Сената за старообрядчество и произнесеніе на св. церковь и св. дары богохульныхъ словъ“ сидѣлъ въ тюрьмѣ 43 года. Въ моментъ составленія списка—въ іюлѣ 1855 года—ему было 88 лѣтъ отроду.

Легко представить себѣ то состояніе, въ которомъ находились арестанты, просидѣвшіе въ монастырской тюрьмѣ 30, 40 лѣтъ и болѣе.

Крайне интересны—несмотря на всю ихъ краткость и отрывочность,—тѣ отзывы и характеристики, которые даетъ о. архимандритъ въ своемъ спискѣ о каждомъ изъ арестантовъ. Привожу здѣсь нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ. О крестьянинѣ Семенѣ Шубинѣ, просидѣвшемъ 43 года въ тюрьмѣ, онъ пишетъ: „Срскъ заключенія не назначенъ. Отъ старости лѣтъ не выходитъ никуда изъ кельи, большею частью лежитъ въ постели; въ баню возятъ на лошади. Малограмотенъ и книгъ не читаетъ, кромѣ собственной псалтыри; *въ церковь никогда не ходитъ по ненависти къ ней*. Одержимъ давнею грыжею, безъ врачеванія ея, по неимѣнію здѣсь ни медиковъ, ни лѣкарствъ. Понятія отъ невѣжества тупого, разсудкомъ здоровъ. Увѣщанія при всякомъ случаѣ дѣлаются, но онъ, состарившись въ ереси, не принимаетъ ихъ и *безнадеженъ къ раскаянію*; нрава ропотливаго и сварливаго. По укорененію въ ереси и за старостію долженъ оставаться въ теперешнемъ его положеніи“.

Послѣдній выводъ о. архимандрита является, безъ сомнѣнія, довольно неожиданнымъ, такъ какъ послѣ

сдѣланной имъ характеристики Шубина, какъ невѣжественнаго, тупого человѣка и къ тому же престарѣлаго, больного, почти умирающаго—можно было ожидать, что о. настоятель рѣшительно выскажется за немедленное освобожденіе изъ тюрьмы этого несчастнаго 90-лѣтняго старика, стоящаго одной ногой въ могилѣ и ужъ ни въ какомъ случаѣ не могущаго, конечно, быть опаснымъ для православной церкви и религіи.

О крестьянинѣ Антонѣ Дмитріевѣ, просидѣвшемъ въ тюрьмѣ 37 лѣтъ, о. архимандритъ пишетъ: „Отроду имѣетъ 81 годъ. *Заключенъ навсегда.* Выпускается изъ келіи для прогулки въ коридорѣ, а лѣтомъ на дворѣ арестантскомъ. Неграмотенъ и книги слушаетъ только при чтеніи другими, въ церковь Божію не ходитъ. Понятій скрытныхъ, разсудкомъ здоровъ. Увѣщанія дѣлаются, но имъ не принимаются, и *безнадеженъ къ раскаянію;* ведетъ себя смирно. По его ереси (скопческой), опасной другимъ, долженъ оставаться въ заключеніи“.

Въ такомъ приблизительно родѣ дѣлаются характеристики и заключенія относительно большей части арестантовъ, содержащихся въ монастырской тюрьмѣ. Только для очень немногихъ изъ нихъ о. архимандритъ находитъ возможнымъ допустить нѣкоторыя облегченія. Такъ, напримѣръ, относительно губернскаго секретаря Іосифа Дыбовскаго, католика, сосланнаго въ монастырь „за дерзость и богохульство“, архимандритъ пишетъ: „Понятія хорошаго, но прельщенъ своимъ лжемудрованіемъ, кажется, отъ болѣзненнаго состоянія, которому въ Соловецкой обители не пособить. Увѣщанія дѣлаются съ напоминаніемъ его латинской религіи, но не дѣйствуютъ на него;

называетъ себя вѣры еврейско-христіанской, иконы въ свою комнату не принимаетъ, на вѣрность подданства присяги не захотѣлъ выполнить. Характера раздражительнаго, вспыльчиваго и ожидаетъ какихъ-то событій по своимъ таинственнымъ замѣчаніямъ отъ болѣзненнаго состоянія. Если бы правительство учинило распоряженіе о переводѣ его въ монастырь католическій или въ городъ, гдѣ есть католическій священникъ, то его скорѣе можно бы привести въ нравственное и физическое состояніе и полный разсудокъ, а въ настоящемъ теперь заключеніи не можно врачевать его духовно; онъ заслуживаетъ снисхожденія на перемѣщеніе и облегченіе его участи".

Нѣкоторые арестанты, изъ числа занесенныхъ въ списокъ, были заключены, подобно Антону Дмитріеву, *навсегда*. Такихъ мы насчитали 8 человѣкъ, изъ числа 19, сидѣвшихъ въ Соловецкой тюрьмѣ лѣтомъ 1855 года. Такимъ образомъ, эти 8 человѣкъ, осужденные на пожизненное заключеніе, тѣмъ самымъ обречены были на смерть въ стѣнахъ монастырскаго острога. Однако, и здѣсь бывали исключенія, хотя и крайне рѣдкія: нѣкоторыя изъ лицъ, осужденныхъ *на вѣчное* пожизненное заключеніе, иногда получали свободу ранѣе смерти.

Обыкновенно это происходило такъ: при посѣщеніи монастыря какимъ-нибудь виднымъ администраторомъ или другимъ высокопоставленнымъ лицомъ послѣдній вдругъ узнавалъ, что въ числѣ арестантовъ, содержащихся въ монастырской тюрьмѣ, находится человѣкъ, просидѣвшій тамъ 50 или 60 лѣтъ. Такое сообщеніе не можетъ, разумѣется, не произвести сильнаго впечатлѣнія, и вотъ высокопоставлен-

ный посѣтитель спѣшитъ возбудить переписку о необходимости освобожденія старика-узника, забытаго въ монастырскомъ острогѣ. Иногда эти представленія имѣли благопріятный исходъ, и узникъ получалъ свободу.

Справедливость требуетъ замѣтить, однако, что бывали случаи, и даже нерѣдко, когда эта свобода приходила слишкомъ поздно: арестантъ, изжившій всю свою жизнь въ стѣнахъ тюрьмы, не имѣлъ уже силъ воспользоваться свободой, которую возвращали ему наканунѣ его смерти. Такой именно случай былъ, напримѣръ, съ только-что упомянутымъ нами арестантомъ Антономъ Дмитріевымъ. Необычайно печальна была судьба этого человѣка: ему пришлось просидѣть въ одиночномъ заключеніи Соловецкаго каземата цѣлыхъ *65 лѣтъ!*

Ему было уже около 90 лѣтъ отроду, когда вдругъ настоятель монастыря объявилъ ему, что онъ свободенъ, что онъ можетъ покинуть, наконецъ, мрачную тюрьму, въ которой была похоронена почти вся его жизнь, можетъ отправиться теперь на всѣ четыре стороны... Несчастный старикъ заявилъ, что идти ему теперь уже некуда и не къ кому, такъ какъ всѣ связи съ родиной и родными давнымъ давно утрачены и что онъ не хочетъ выйти изъ тюрьмы. Тогда ему было великодушно разрѣшено „доживать свой вѣкъ въ тюрьмѣ не въ родѣ арестанта“. Онъ умеръ въ 1880 году, „не раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ“.

Лицъ, сосланныхъ безъ обозначенія срока, „впредь до исправленія“, въ спискѣ арестантовъ 1855 года значится 11 человѣкъ. Изъ нихъ Семенъ Шубинъ, напримѣръ, пробылъ въ монастырскомъ острогѣ *63 года*, такъ какъ до самой смерти оставался „не-

поколебимымъ въ своихъ заблужденіяхъ". Умеръ онъ въ 1875 году, имѣя отроду 89 лѣтъ; послѣдніе три года не въ состояніи былъ ходить *).

Здѣсь не лишне будетъ сдѣлать оговорку, что далеко, конечно, не всѣ арестанты монастырскихъ тюремъ достигали такой глубокой старости, какъ Антонъ Дмитріевъ и Семенъ Шубинъ. Наоборотъ, многіе изъ заключенныхъ умирали въ тюрьмѣ по прошествіи самаго короткаго времени послѣ заключенія. Такъ, напримѣръ, коллежскій совѣтникъ Бантышъ-Каменскій, заключенный въ Суздальскую монастырскую тюрьму 29 декабря 1828 года, прожилъ въ ней менѣе мѣсяца и умеръ 22 января 1829 года. Московскій мѣщанинъ Ѳедоръ Жигаревъ, заключенный за расколъ въ ту же тюрьму 2 ноября 1856 года, прожилъ въ ней только 25 дней и умеръ 27 числа того же ноября. Декабристъ князь Ѳ. П. Шаховской, привезенный въ ту же тюрьму 3 февраля 1829 года, умеръ 24 мая того же года и т. д. **).

Есть много основаній думать, что первое впечатлѣніе, производимое монастырскими тюрьмами на лицъ, которыя туда заключались, было всегда очень сильное, доходившее иногда до отчаянія. Когда штабсъ-капитана Щеголева, сосланнаго въ Соловки въ 1826 году за какое-то „духовное преступленіе", привели въ казематъ, то онъ пришелъ отъ него въ такой ужасъ, что тотчасъ же „съ гнѣвомъ объявилъ караульному офицеру, что если его долго будутъ держать тутъ, то онъ разобьетъ себѣ голову объ стѣну"...

---

*) „Русская Старина", 1887 г., № 12, стр. 614.

**) Изъ подлинныхъ дѣлъ.

XII.

Но особенно тяжело было положеніе въ монастырскихъ тюрьмахъ людей, страдавшихъ душевнымъ разстройствомъ. Между тѣмъ больныхъ этого рода, особенно въ прежнія времена, въ нашихъ монастыряхъ было очень много. Обстоятельство это объясняется, главнымъ образомъ, двумя причинами: во-первыхъ, тѣмъ, что въ прежнее, дореформенное время, при полномъ отсутствіи тогда спеціальныхъ учрежденій для такого рода больныхъ, наши монастыри до извѣстной степени играли роль пріютовъ для душевно-больныхъ людей, и туда очень часто заключались — нерѣдко даже на всю жизнь — люди, совершившіе въ состояніи сумасшествія то или иное преступленіе.

Съ другой стороны, крайне тягостныя условія одиночнаго заключенія въ монастырскихъ тюрьмахъ не могли, конечно, не вызывать разстройства душевной дѣятельности и у вполнѣ здоровыхъ лицъ, попадавшихъ въ эти тюрьмы и просидѣвшихъ въ нихъ долгіе годы, нерѣдко цѣлые десятки лѣтъ. Выше мы уже упоминали, что процентъ психическихъ заболѣваній среди монастырскихъ узниковъ огромный.

Въ числѣ 50 человѣкъ арестантовъ, содержавшихся въ тюрьмѣ Соловецкаго монастыря въ 1835 году, было много лицъ, несомнѣнно страдавшихъ душевнымъ разстройствомъ въ большей или меньшей степени. На это, между прочимъ, указываютъ какъ самый характеръ преступленій, совершонныхъ такого рода лицами, такъ и тѣ отзывы и характеристики, которые дѣлало о нихъ монастырское начальство. Такъ, напримѣръ, одинъ крестьянинъ, раскольникъ

Степанъ Сергѣевъ сосланъ „за разсказы нелѣпостей отъ религіознаго изступленія". Но кромѣ такого рода субъектовъ, о ненормальномъ душевномъ состояніи которыхъ можно только догадываться, среди арестантовъ Соловецкаго острога оказалось 5 человѣкъ, страдавшихъ явно и рѣзко выраженнымъ психическимъ разстройствомъ въ сильнѣйшей степени.

Мастеровой модиковскаго (?) чугуннаго завода Петръ Потаповъ былъ присланъ въ Соловки въ 1828 году *„на вѣчное содержаніе* за убійство *въ припадкѣ сумасшествія* отца своего Потапа и жены его Парасковьи". Противъ имени этого арестанта монастырское начальство въ 1835 году дѣлаетъ такую отмѣтку: „находится въ высшей степени сумасшествія, о коемъ представлено въ Св. Синодъ объ отсылкѣ куда слѣдуетъ для лѣченія".

Еще въ болѣе ужасномъ положеніи находился психически-больной арестантъ Өедоръ Рабочій, военный поселянинъ, Псковскаго округа, присланный въ Соловки въ 1830 году „для покаянія *на всю жизнь* за убійство имъ *въ скрытномъ сумасшествіи* трехъ своихъ дочерей и родного брата, а также за покушеніе произвести многія (другія) убійства". Въ отмѣткѣ монастырскаго начальства противъ этого арестанта значится: „находится нынѣ въ сильномъ сумасшествіи и даже пометъ свой употребляетъ съ пищею. Представлено о немъ Св. Синоду для отсылки куда слѣдуетъ".

Наконецъ, въ числѣ душевно-больныхъ арестантовъ монастыря оказался и поручикъ Горожанскій, который, сидя въ Соловецкой тюрьмѣ въ 1833 году, зарѣзалъ въ припадкѣ сумасшествія часового солдата. Убійство это обратило на себя вниманіе правитель-

ственныхъ сферъ, вслѣдствіе чего по Высочайшему повелѣнію назначена была ревизія Соловецкаго острога, обнаружившая не мало разнаго рода стѣсненій, которымъ совершенно незаслуженно подвергались заключенные, и указавшая на невозможное положеніе въ монастырской тюрьмѣ психически-больныхъ людей.

Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе производятъ эти краткія, но въ то же время вопіющія свѣдѣнія о положеніи душевно-больныхъ людей, томившихся въ монастырскихъ „казематахъ“ и „чуланахъ“ въ теченіе долгихъ лѣтъ рѣшительно безъ всякой помощи, безъ всякаго ухода. Но при оцѣнкѣ этого рода фактовъ не слѣдуетъ, однако, забывать общихъ условій того времени, не слѣдуетъ забывать, что внимательное и гуманное отношеніе со стороны правительственныхъ сферъ къ душевно-больнымъ, совершившимъ тѣ или другія преступленія, является результатомъ сравнительно недавней эпохи и должно быть приписано главнымъ образомъ вліянію нашего новаго, гласнаго суда.

Впрочемъ, необходимо указать, что въ Соловецкой тюрьмѣ всякаго рода больные арестанты совершенно лишены были медицинской помощи. „На случай заболѣвающихъ, врачеванія имъ здѣсь не бываетъ по неимѣнію ни медиковъ, ни лѣкарствъ, — доносилъ архимандритъ Александръ въ 1855 году оберъ-прокурору Св. Синода,—но если впадалъ кто въ сумасшествіе, такіе отправлялись съ разрѣшенія высшаго начальства въ назначенныя гражданскія больницы для излѣченія“ *). Однако, слѣдуетъ сказать, что такія

*) „Рус. Старина“, 1888 г. № 2, стр. 399.

отправки въ больницы допускались лишь въ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, и чтобы получить разрѣшеніе начальства на такую отправку, нуженъ былъ не одинъ годъ переписки и разной канцелярской волокиты.

XIII.

До сихъ поръ мы говорили о положеніи монастырскихъ узниковъ, главнымъ образомъ, въ первой половинѣ XIX столѣтія и въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ. Переходя, затѣмъ, къ концу 50-хъ годовъ, а также къ 60-мъ и 70-мъ годамъ, мы, къ сожалѣнію, принуждены констатировать, что извѣстныя либеральныя вліянія, которыми отмѣчена только-что названная эпоха и которымъ Россія обязана цѣлымъ рядомъ крупныхъ благодѣтельныхъ реформъ, не внесли, къ сожалѣнію, хотя сколько-нибудь существеннаго улучшенія въ положеніе лицъ, подвергшихся ссылкѣ и заточенію въ монастырскія тюрьмы.

Такъ какъ, съ другой стороны, за указанный періодъ времени наше законодательство, регулирующее проявленія религіозной и духовной жизни русскаго народа, осталось безъ всякихъ существенныхъ измѣненій, то понятно, что общественныя условія, среди которыхъ приходилось жить милліонамъ нашихъ старообрядцевъ и сектантовъ, точно такъ же остались прежнія, дореформенныя. Благодаря этому, мы видимъ, какъ въ самый разгаръ либеральныхъ вѣяній происходятъ постоянныя стѣсненія и преслѣдованія сектантовъ и старообрядцевъ разныхъ толковъ. И хотя эти преслѣдованія не имѣли уже того опредѣленнаго и систематическаго характера, какимъ они отличались въ царствованіе государя Николая Пав-

ловича, тѣмъ не менѣе аресты, ссылки и заточенія въ монастыри сектантскихъ наставниковъ и руководителей, а также священниковъ и епископовъ старообрядческой іерархіи—происходили слишкомъ часто.

Чтобы избѣжать обвиненій въ голословности, считаемъ необходимымъ привести здѣсь нѣсколько фактовъ. Въ 1854 г. въ Суздальскую монастырскую тюрьму были заключены „пойманные въ турецкихъ владѣніяхъ“ старообрядцы: архіепископъ Аркадій, епископъ Алимпій и священникъ Ѳ. Семеновъ. Въ 1859 году въ ту же тюрьму былъ заключенъ „пойманный въ Кіевской губерніи“ старообрядческій епископъ Кононъ. Въ томъ же году возникло дѣло объ основаніи на Уралѣ особой секты, получившей названіе „Деснаго Братства“. По этому дѣлу были заключены сначала въ Екатеринбургскую тюрьму, а затѣмъ въ Петропавловскую крѣпость: основатель секты, сотрудникъ журнала „Маякъ“, капитанъ артиллеріи Н. С. Ильинъ и его послѣдователи—чиновники горнаго правленія, коллежскій ассесоръ Будринъ, титулярный совѣтникъ Протопоповъ, подпоручикъ корпуса лѣсничихъ Лалетинъ, а также жены Будрина и Лалетина. Будринъ, больной чахоткой, не вынесъ заключенія и умеръ въ тюрьмѣ. Его жена была сослана въ Новгородскій Свято-Духовъ женскій монастырь. Лалетинъ въ 1859 г. былъ сосланъ въ Свіяжскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ послѣ десятилѣтняго заточенія. Ильинъ въ то же время былъ отправленъ въ Соловецкую тюрьму, въ строгое одиночное заключеніе, въ которомъ онъ пробылъ до осени 1873 г. Въ этотъ годъ, по усиленному ходатайству дочерей Ильина облегчить его участь, онъ былъ переведенъ изъ Соловокъ въ Суздальскую монастырскую тюрьму,

въ которой и находился до 18 іюля 1879 года. Продолжительное заключеніе вызвало въ немъ сильное душевное разстройство, вслѣдствіе чего онъ, по просьбѣ родственниковъ, былъ освобожденъ изъ тюрьмы, но затѣмъ сосланъ „подъ строжайшій надзоръ полиціи" въ мѣстечко Полангенъ, Курляндской губ.

Въ 1860 году въ Соловецкую тюрьму былъ заключенъ казакъ Максимъ Рудометкинъ за основаніе имъ на Кавказѣ секты прыгуновъ; въ 1869 году Рудометкинъ „съ цѣлью прекращенія ему возможности вести переписку съ его единомышленниками на Кавказѣ" былъ переведенъ изъ Соловокъ въ Суздальскую монастырскую тюрьму, гдѣ онъ и умеръ въ 1877 году „отъ апоплексическаго удара", какъ доносилъ о. настоятель.

Въ 1863 году въ Суздальскую тюрьму былъ заключенъ старообрядческій епископъ Геннадій, просидѣвшій тамъ до 1881 года. Въ 1865 г. въ ту же тюрьму былъ заключенъ священникъ П. Ф. Золотницкій за уходъ къ раскольникамъ-бѣглопоповцамъ; въ 1866 г. въ Соловецкій острогъ былъ заключенъ извѣстный сектантъ Адріанъ Пушкинъ и т. д.

Относительно *срока* заключенія въ монастырскія тюрьмы въ теченіе 50—70-хъ годовъ необходимо признать, что онъ попрежнему поражаетъ необыкновенною продолжительностью. Такъ, напримѣръ, только-что названныя нами лица находились въ заключеніи: казакъ Рудометкинъ—17 лѣтъ, старообрядческій епископъ Геннадій—18 лѣтъ, капитанъ артиллеріи Ильинъ—20 лѣтъ, старообрядческій епископъ Кононъ — 22 года, архіепископъ Аркадій — 27 лѣтъ *),

*) Аркадій, Кононъ и Геннадій получили свободу только въ 1881 г., по ходатайству бывшаго тогда министра внутреннихъ дѣлъ графа

священникъ П. Ф. Золотницкій—32 года. Послѣдній былъ освобожденъ только въ 1897 г. Точно такъ же 32 года провелъ въ Суздальской монастырской тюрьмѣ греко-католическій священникъ Іосифъ Анчевскій, который и умеръ въ этой тюрьмѣ въ 1877 году.

Что касается остальныхъ условій монастырскаго заключенія, помимо срока, то слѣдуетъ установить, что въ теченіе 60 и 70-хъ годовъ эти условія очень мало отличались отъ тѣхъ, которыя окружали монастырскихъ узниковъ въ 20 и 30-хъ годахъ и о которыхъ мы говорили выше. Въ доказательство этого приведемъ здѣсь извлеченіе изъ инструкціи, при которой были сосланы въ монастыри нѣкоторыя изъ лицъ, только-что упомянутыя нами, а именно старообрядческіе: архіереи Аркадій и Алимпій и священникъ Өедоръ Семеновъ.

Епископъ владимірскій Іустинъ писалъ архимандриту Спасо-Евфиміевскаго монастыря Амвросію: „1) по доставленіи къ вамъ чрезъ гражданское правительство означенныхъ лицъ, заключить ихъ при арестантскомъ отдѣленіи въ особыя для каждаго комнаты (слово „казематъ“ исчезаетъ) и о времени доставленія ихъ къ вамъ и заключенія донести мнѣ; 2) имѣть за ними строжайшій надзоръ, съ прекращеніемъ имъ всякой возможности сношенія между собою и съ раскольниками и вообще съ кѣмъ-либо изъ постороннихъ лицъ, и съ принятіемъ со стороны вашей всѣхъ мѣръ духовнаго вразумленія къ разсѣянію ихъ заблужденій и къ склоненію ихъ къ открытію всего имъ извѣстнаго касательно заграничн-

---

Н. П. Игнатьева. Епископъ Алимпій умеръ въ тюрьмѣ, просидѣвъ пять лѣтъ въ одиночномъ заключеніи.

ныхъ лже-каѳедръ и сношеній съ нашими раскольниками; 3) о послѣдствіяхъ вашего вразумленія и надзора доносить мнѣ по прошествіи каждаго мѣсяца или и ранѣе, какъ скоро представится въ томъ необходимость; 4) именъ ихъ и мнимыхъ званій никому не объявлять, а называть ихъ и писать въ бумагахъ просто арестантами подъ №№ 1, 2 и 3-мъ, по порядку, въ какомъ они написаны въ указѣ Святѣйшаго Синода, именно: Аркадія — подъ № 1-мъ, Алимпія подъ № 2-мъ и Семенова — подъ № 3-мъ“ *).

Независимо отъ подобнаго рода инструкцій, какъ гражданское, такъ и духовное начальство пользуется каждымъ подходящимъ случаемъ, чтобы подтвердить мѣстному архіерею и архимандриту монастыря о необходимости усиленія надзора за арестантами, содержащимися въ монастырской тюрьмѣ. Особенно строгое вниманіе обращается при этомъ на переписку заключенныхъ, которая обыкновенно разрѣшается крайне неохотно и при томъ не иначе, какъ только подъ контролемъ архимандрита, обязаннаго прочитывать всѣ письма, получаемыя на имя арестантовъ и отправляемыя ими.

Нѣкоторые настоятели монастырей, видимо, крайне тяготятся подобными, чисто полицейскими, обязанностями, возложенными на нихъ; другіе же въ качествѣ контролеровъ переписки нерѣдко обнаруживаютъ совершенно излишнюю подозрительность и придирчивость. Въ виду этого арестанты всячески стараются обойти строгую и придирчивую цензуру и отправить свои письма какъ-нибудь помимо настоятеля.

---

*) Изъ подлинныхъ дѣлъ монастырскаго архива.

Послѣдній въ свою очередь употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы перехватить письма, отправляемыя арестантами или же получаемыя ими помимо архимандрита. При этомъ нерѣдко подозрительность настоятелей доходитъ до послѣднихъ предѣловъ. Изъ множества фактовъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи и подтверждающихъ это, приведемъ одинъ наиболѣе характерный случай, имѣвшій мѣсто въ Суздальскомъ монастырѣ.

Архимандритъ этого монастыря Досиѳей перехватилъ письмо, писанное какой-то женщиной и адресованное на имя старообрядческаго епископа Геннадія, сидѣвшаго въ то время въ Суздальской крѣпости. Письмо это показалось чрезвычайно подозрительнымъ о. архимандриту, который усмотрѣлъ въ немъ доказательство существованія чуть ли не цѣлаго заговора раскольниковъ. Особенно же загадочными и опасными показались ему „недописанныя слова“ или, точнѣе говоря, рядъ буквъ, стоявшихъ въ началѣ письма: Г. І. Х. С. Б. П. Н. И вотъ онъ спѣшитъ представить смутившее его письмо владимірскому архіерею при особомъ секретномъ донесеніи, въ которомъ излагаетъ свои соображенія относительно важнаго значенія перехваченнаго имъ письма секретнаго арестанта. Архіерей передаетъ письмо Геннадія въ духовную консисторію, съ предложеніемъ немедленно же начать секретное дознаніе и слѣдствіе по этому поводу.

Возникаетъ „дѣло“, начинаются допросы, требуются объясненія отъ Геннадія: кто именно писалъ ему злополучное письмо и что означаютъ таинственныя буквы, поставленныя въ началѣ письма: Г. І. Х. С. Б. П. Н. Геннадій отвѣчаетъ, что письмо это писано его двоюродной сестрой, а напугавшія начальство

буквы означаютъ: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ...“ *).

Однако, несмотря на то, что съ полною очевидностью выяснилось совершенно невинное содержаніе письма, перехваченнаго архимандритомъ, оно все-таки не было передано по принадлежности, и о. Досиѳей не только не получилъ замѣчанія по этому поводу, но, наоборотъ, духовная консисторія вполнѣ одобрила его дѣйствія и рекомендовала ему и на будущее время строго слѣдить за корреспонденціей Геннадія и представлять къ владимірскому архіерею всѣ тѣ письма, которыя почему-нибудь покажутся ему подозрительными.

Что касается арестантовъ болѣе интеллигентныхъ, въ родѣ артиллерійскаго капитана Ильина и друг., то недоразумѣнія по поводу ихъ переписки возникали постоянно. Постоянно духовныя власти—монастырскія и епархіальныя—должны были производить разные допросы и дознанія о нарушеніи этого рода арестантами инструкцій относительно переписки и сношеній съ своими родственниками, знакомыми и послѣдователями ихъ ученій.

XIV.

Въ монастыри арестанты присылались и присылаются теперь различно: одни — въ сопровожденіи „двухъ благонадежныхъ жандармовъ“, другіе — подъ конвоемъ полицейскихъ служителей, третьи—въ сопровожденіи полицейскаго чиновника или жандармскаго офицера, четвертые, наконецъ, — по этапу.

*) Изъ подлинныхъ архивныхъ дѣлъ.

Обыкновенно арестантъ, осужденный на заключенiе въ монастырскую тюрьму, препровождается сначала губернатору той губернiи, въ которой находится монастырь, и затѣмъ уже губернаторъ пересылаетъ его къ архимандриту монастыря.

Чтобы дать представленiе о строгости, соблюдаемой во время пути по отношенiю къ такого рода арестантамъ, привожу здѣсь для примѣра инструкцiю, данную въ 1863 году пермскимъ губернаторомъ жандармскому штабсъ-капитану Латухину, назначенному сопровождать старообрядческаго епископа Геннадiя (въ мiру — крестьянинъ Григорiй Бѣляевъ), осужденнаго на заключенiе въ Суздальскiй монастырь.

„Назначая васъ для сопровожденiя до г. Владимiра крестьянина Григорiя Бѣляева, я предписываю вамъ теперь же принять его и немедленно отправиться съ нимъ въ г. Владимiръ, наблюдая слѣдующее: 1) Во время пути до г. Владимiра неотлучно находиться при арестантѣ въ полномъ вооруженiи, не позволяя ему ни съ кѣмъ разговаривать. 2) Вы должны имѣть осторожность, чтобъ арестантъ не нанесъ себѣ вреда и не бросился бы на имѣющееся у васъ оружiе. 3) Квартиръ нигдѣ не нанимать, а требовать отъ мѣстныхъ начальниковъ и останавливаться для отдыха въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть воинскiя команды, отъ коихъ просить, по прилагаемому при семъ открытому листу, караулъ, который оставлять во все время пребыванiя вашего на мѣстѣ. 4) По прибытiи въ г. Владимiръ тотчасъ явиться къ тамошнему губернатору, представить прилагаемый конвертъ за № и просить его распоряженiя о принятiи отъ васъ арестанта и выдачѣ квитанцiи. 5) Въ случаѣ значительной бо-

лѣзни арестанта, вы должны доѣхать до ближайшаго города, отдать его въ вѣдѣніе тамошняго начальства для излѣченія и доставленія, по выздоровленіи, за надлежащимъ присмотромъ въ г. Владиміръ къ тамошнему начальнику губерніи, взявъ въ сдачѣ квитанцію. 6) Въ заключеніе сего предваряю васъ, что неустройство во время пути, а тѣмъ болѣе упускъ арестанта подвергнутъ васъ строжайшей отвѣтственности по законамъ" *).

По пріѣздѣ въ монастырь жандармы или полицейскіе, сопровождавшіе арестанта, представляютъ его къ о. архимандриту, который принимаетъ отъ нихъ арестанта и выдаетъ имъ въ этомъ особую квитанцію, обыкновенно въ такомъ родѣ: „Доставленный во ввѣренный управленію моему Суздальскій Спасо-Евфимьевъ монастырь къ содержанію въ крѣпостномъ арестантскомъ отдѣленіи арестантъ *такой-то* отъ сопровождавшихъ его N—ской жандармской команды унтеръ-офицера *такого-то* и рядового *такого-то* въ означенномъ монастырѣ сего 1865 года апрѣля 10 дня, въ шесть часовъ утра, мною благополучно принятъ, въ чемъ имъ, жандармскимъ унтеръ-офицеру N и рядовому NN., за подписью моею, съ приложеніемъ монастырской казенной печати, квитанція сія и дана".

Затѣмъ, отецъ архимандритъ приказываетъ обыскать арестанта, при чемъ отъ него отбираются всѣ оказавшіяся при немъ деньги и вещи, а также бѣлье и платье; изъ послѣдняго ему выдаютъ лишь самое необходимое. Все же остальное имущество арестанта остается на храненіи у о. архимандрита. Особенно строгое вниманіе обращается при этомъ

*) Изъ подлинныхъ дѣлъ канцеляріи пермскаго губернатора.

на письменныя принадлежности; бумага, перья, чернила, карандаши—все это тотчасъ же отбирается отъ арестанта, точно такъ же, какъ и книги. Намъ извѣстенъ случай, когда заключенному въ монастырской тюрьмѣ воспрещено было на первыхъ порахъ имѣть даже евангеліе и псалтырь. И этотъ случай имѣлъ мѣсто не сто и не двѣсти лѣтъ тому назадъ, а всего лишь только *годъ—два* тому назадъ.

Послѣ обыска арестанта отводятъ въ крѣпость или арестантское отдѣленіе монастыря и запираютъ тамъ въ маленькую одиночную камеру съ необычайно толстыми, сырыми стѣнами. Въ камерѣ одно окно съ массивной желѣзной рѣшеткой, но видѣть въ это окно ничего нельзя, такъ какъ оно упирается въ высокую крѣпостную стѣну, которая на разстояніи 2 — 3 саженъ окружаетъ тюрьму съ трехъ сторонъ. Тюрьма старинная, сырая и холодная. Она не прогрѣвается даже лѣтомъ, вслѣдствіе чего арестанты сильно страдаютъ отъ холода и сырости.

Камеры всегда на замкѣ; нѣкоторые арестанты выпускаются въ коридоръ для прогулки. Но этой льготой пользуются не всѣ; первое же время арестанта никуда не выпускаютъ изъ камеры. Только разъ въ день открывается тюремная дверь для того, чтобы арестантъ могъ вынести парашу, стоящую въ его камерѣ. Пища передается чрезъ особое отверстіе, находящееся въ двери. Въ это же отверстіе часовые солдаты наблюдаютъ за арестантомъ. Это постоянное подсматриваніе не можетъ, конечно, не раздражать арестантовъ, особенно людей съ больными, разстроенными нервами,—а такіе-то люди и составляютъ значительное большинство монастыр-

скихъ узниковъ. Къ этому еще присоединяется одно обстоятельство, которое при оцѣнкѣ нравственнаго воздѣйствія и вліянія, оказываемаго монастырской тюрьмой на ея арестантовъ, нельзя не признать весьма важнымъ и существеннымъ.

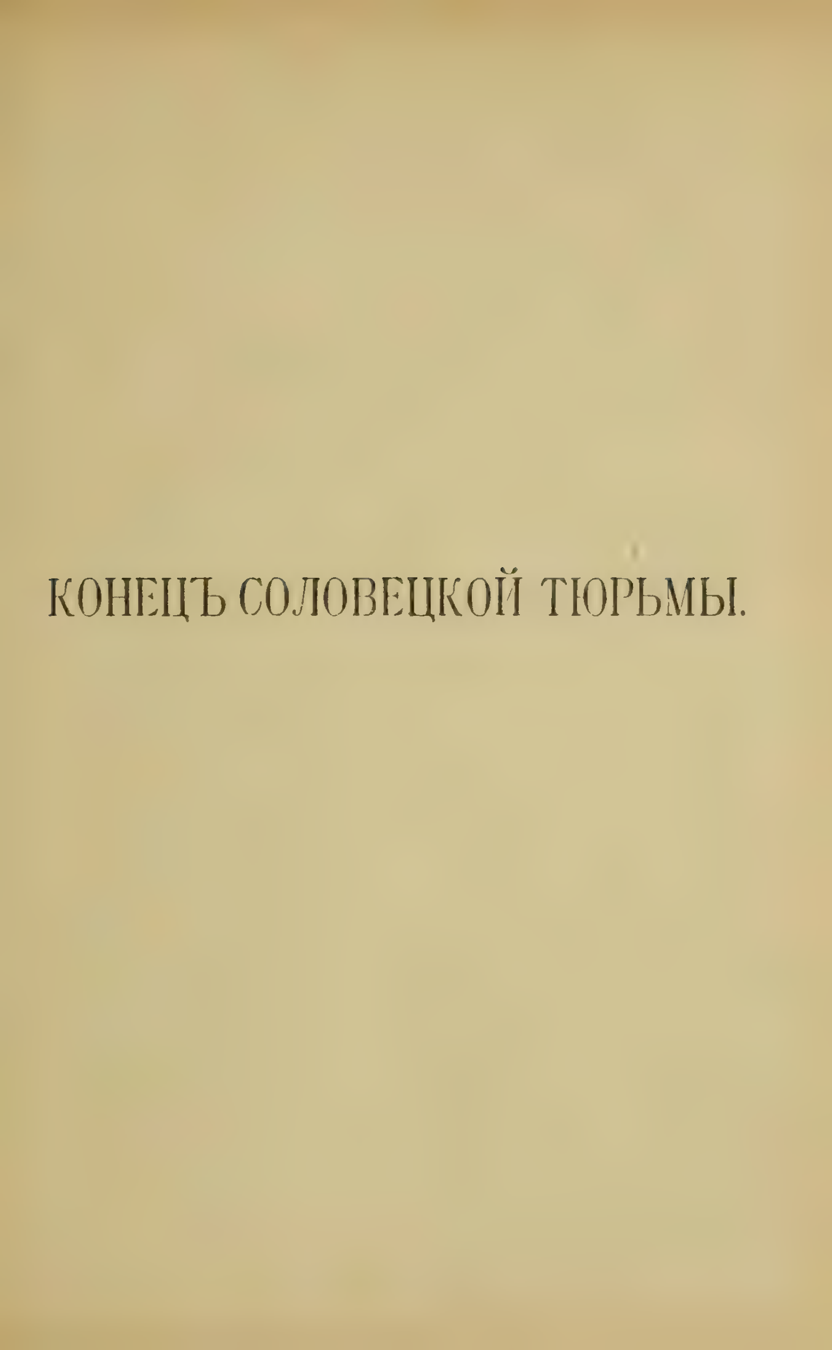
Огромное большинство заключенныхъ—глубоко религіозные, горячо вѣрующіе люди, они хотятъ молиться, такъ какъ это давно уже сдѣлалось ихъ органической потребностью, но молиться, ежеминутно чувствуя на себѣ устремленный на васъ подозрительный взглядъ часового солдата, тяжело, непріятно, оскорбительно. Арестантъ прикрываетъ чѣмъ-нибудь отверстіе въ двери, становится на молитву и весь отдается религіозному чувству, охватившему его, но въ ту же минуту раздается сильнѣйшій стукъ въ дверь, и грубый голосъ съ ругательствами требуетъ немедленно открыть отверстіе. Никакія просьбы арестанта въ этомъ случаѣ не помогутъ.

— „Не знай ты молишься, не знай ты стѣну копаешь“, —говорятъ въ оправданіе себя часовые солдаты.

Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ до недавняго времени имѣлись особыя воинскія команды, на обязанности которыхъ лежало нести караульную службу при монастырской тюрьмѣ. Такъ, при Соловецкой монастырской тюрьмѣ находилась воинская команда, состоявшая сначала изъ 50 человѣкъ солдатъ и одного оберъ-офицера. Впослѣдствіи число солдатъ было уменьшено до 23 человѣкъ. Въ послѣднее время какъ солдаты, такъ и офицеръ каждый годъ смѣнялись. Эта мѣра вызвана была главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что нерѣдко бывали случаи, когда солдаты, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ заключенными, мало-по-малу прони-

кались еретическими убѣжденіями того или другого изъ нихъ.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ Соловецкій монастырь посѣтилъ командующій войсками С.-Петербургскаго военнаго округа, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, при чемъ онъ нашелъ, что воинская команда тамъ совершенно излишня. Вслѣдствіе этого въ 1886 году команда была переведена изъ Соловокъ, и такимъ образомъ монастырская обитель освободилась, наконецъ, отъ солдатъ, присутствіе которыхъ въ ней являлось, конечно, грубымъ и рѣзкимъ диссонансомъ.



КОНЕЦЪ СОЛОВЕЦКОЙ ТЮРЬМЫ.

Конецъ Соловецкой тюрьмы.

I.

Я имѣю возможность сообщить довольно крупную новость, имѣющую, какъ мнѣ кажется, немаловажное общественное значеніе: знаменитая историческая тюрьма, находившаяся въ Соловецкомъ монастырѣ,— тюрьма, которая сыграла такую печальную роль въ исторіи религіозно-этическихъ, а отчасти и соціально-политическихъ движеній русскаго народа,—нынѣ прекратила свое существованіе.

При посѣщеніи минувшей осенью *) Архангельской губерніи мнѣ удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ этой исторической тюрьмы.

Благодаря глубокой тайнѣ, облекавшей обыкновенно все, что касалось до ссылки въ Соловки и заточенія въ монастырской тюрьмѣ, въ общество, въ публику проникали лишь крайне отрывочныя и самыя скудныя свѣдѣнія относительно лицъ, подвергавшихся этой тяжелой карѣ, а также о тѣхъ условіяхъ, которыя окружали узникъ въ въ Соловецкой тюрьмѣ.

*) 1903 года.

Не уходя „въ глубь вѣковъ“ и не касаясь такихъ эпохъ русской исторической жизни, каковы, напримѣръ, царствованіе Ивана Грознаго или Петра Перваго, когда соловецкія башни, подземныя тюрьмы и „каменные мѣшки“, устроенные въ монастырскихъ стѣнахъ, были переполнены еретиками и государственными преступниками,—мы въ нѣсколькихъ словахъ напомнимъ читателямъ о болѣе близкой къ намъ эпохѣ, а именно о томъ, что происходило въ теченіе послѣднихъ трехъ царствованій.

Ссылка въ Соловки,—какъ мы уже говорили въ предыдущей статьѣ,—особенно широко примѣнялась во все продолженіе царствованія императора Николая Павловича, который охотно прибѣгалъ къ этому наказанію, подвергая монастырскому заточенію: сектантовъ, раскольниковъ, офицеровъ, монаховъ, студентовъ, священниковъ, помѣщиковъ, крестьянъ, чиновниковъ, купцовъ, солдатъ и т. д.

Преступленія, которыя карались ссылкою въ Соловки и заточеніемъ въ монастырской тюрьмѣ, отличались необыкновеннымъ разнообразіемъ и разнохарактерностью. Однако, не можетъ подлежать сомнѣнію, что огромное большинство арестантовъ Соловецкой тюрьмы составляли, такъ называемые, религіозные преступники, т.-е. преступники противъ господствующей религіи и церкви. Но прежде чѣмъ подробнѣе остановиться на этой главной группѣ, мы скажемъ нѣсколько словъ о другихъ, менѣе значительныхъ группахъ. Къ числу ихъ прежде всего слѣдуетъ отнести лицъ, ссылавшихся въ Соловки за политическія преступленія.

Изъ числа этой категоріи лицъ при Николаѣ Павловичѣ были, между прочимъ, заключены въ Соло-

вецкую тюрьму бывшіе студенты Московскаго университета Николай Поповъ и Михаилъ Критскій, прикосновенные къ дѣлу декабристовъ. Затѣмъ, въ 30-хъ годахъ, былъ сосланъ въ ту же тюрьму священникъ Владимірской губерніи Лавровскій „*по подозрѣнію* на него въ подбрасываніи возмутительныхъ листковъ по разнымъ мѣстамъ Владимірской губерніи“. Въ этихъ листкахъ „порицалось крѣпостное право и совѣтовалось крестьянамъ писать письма къ дѣтямъ въ армію, совѣтуя имъ возмутиться для уничтоженія крѣпостного права“. Слѣдуетъ замѣтить, что Лавровскій все время самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ, и, судя по всѣмъ даннымъ, нужно думать, что онъ дѣйствительно совершенно не былъ причастенъ къ этому дѣлу и является жертвой ошибки со стороны тогдашняго правосудія, которое олицетворялъ собою жандармскій полковникъ Масловъ, производившій по этому дѣлу дознаніе и слѣдствіе.

Далѣе, въ 50-хъ годахъ, въ Соловецкую тюрьму попалъ бывшій студентъ Кіевскаго, а потомъ Казанскаго университета Георгій Андрузскій „за вредный образъ мыслей и злонамѣренныя сочиненія“. Судя по тому, что при обыскѣ у него найдены были разныя „бумаги и стихи мятежнаго содержанія, имѣвшія цѣлью возстановленіе малорусской народности“, можно думать, что Андрузскій принадлежалъ къ партіи украинофиловъ.

Въ царствованіе Александра II въ 1861 г. былъ сосланъ въ Соловки „подъ строжайшій надзоръ“ священникъ Пензенской губерніи Ѳедоръ Померанцевъ „за неправильное толкованіе манифеста 1861 года“, слѣдствіемъ чего произошло возмущеніе крестьянъ

графа Уварова, для прекращенія котораго потребовались войска.

Въ 1864 году въ Соловки былъ присланъ студентъ Казанской духовной академіи священникъ Яхонтовъ за совершеніе панихиды по Антонѣ Петровѣ, убитомъ въ селѣ Безднѣ, Казанскаго уѣзда, во время усмиренія крестьянскаго возмущенія, вызваннаго введеніемъ уставныхъ грамотъ. Вмѣстѣ съ о. Яхонтовымъ ссылка въ Соловки угрожала тогда и студенту IV курса Казанск. дух. акад. іеродіакону Мелетію, но по ходатайству нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ замѣнена назначеніемъ о. іеродіакона Мелетія (прямо съ IV курса академіи), на миссіонерское служеніе въ Восточную Сибирь, въ вѣдѣніе Веніамина, архіеп. Иркутскаго. Въ Сибири о. Мелетій дописывалъ и свое кандидатское сочиненіе. Архіеп. Веніаминъ принялъ горячее отеческое участіе въ судьбѣ злополучнаго инока и постепенно возводилъ его по ступенямъ іерархическаго служенія. Впослѣдствіи о. Мелетій сдѣлался преосвященнымъ Мелетіемъ, епископомъ Якутскимъ и Вилюйскимъ, скончался въ санѣ епископа Рязанскаго и Зарайскаго.

Затѣмъ, въ концѣ 1879 г. въ Соловецкой тюрьмѣ застаемъ крестьянина Тверской губерніи Якова Потапова за участіе въ извѣстной демонстраціи, бывшей въ Петербургѣ, на Казанской площади 6 декабря 1876 г., и крестьянина Ярославск. губерніи Матвѣя Григорьева, „осужденнаго особымъ присутствіемъ Сената 18—25 января 1877 года за государственное преступленіе“.

Къ этой же группѣ слѣдуетъ отнести лицъ, ссылавшихся въ Соловки „за произнесеніе дерзкихъ, неприличныхъ и оскорбительныхъ словъ на счетъ Высочайшихъ особъ и государственной власти“. За та-

кіе именно поступки были заключены въ Соловецкую тюрьму, между прочимъ, поручикъ Горожанскій, крестьянинъ Скутинъ и многіе другіе.

Нерѣдко „дерзкія“ и „оскорбительныя слова“ противъ Высочайшей власти истекали изъ неправильнаго „превратнаго“ и „нелѣпаго“ пониманія священнаго писанія. Такъ, хорунжій оренбургскаго казачьяго войска подвергся заключенію въ Соловецкой тюрьмѣ „за нелѣпыя толкованія священнаго писанія съ дерзновенными выраженіями противъ Высочайшихъ особъ и власти“.

Случалось, что дерзкія и оскорбительныя слова произносились безъ всякаго злого умысла, „въ пьяномъ видѣ“, но и это обстоятельство не избавляло виновныхъ отъ знакомства съ монастырскимъ казематомъ. Такъ, священникъ Тульской губерніи Васильевъ „въ пьяномъ видѣ произносилъ дерзкія слова, относящіяся къ особѣ государя“. По доносу священникъ былъ преданъ суду Тульской уголовной палаты, которая приговорила его къ каторгѣ, но государь повелѣлъ заключить его въ Новосильскій монастырь Такъ какъ по отзывамъ монастырскаго начальства священникъ Васильевъ и тамъ продолжалъ вести буйный и пьяный образъ жизни, то Св. Синодъ рѣшилъ послать его въ Соловецкій монастырь.

Наконецъ, въ Соловецкую тюрьму ссылались не только за дерзкія и оскорбительныя *слова*, но и за *мнѣнія* и разсужденія, разъ эти послѣднія расходились съ общепризнанными взглядами на церковь и государственную власть. Такъ, нѣкто Ѳедоръ Подшиваловъ былъ заключенъ въ монастырскую тюрьму „за мнѣнія его о религіи и гражданскомъ устройствѣ, обнаруживающія превратность идей его о сихъ

предметахъ". Крестьянинъ Ярославской губерніи Никитинъ—„*за непреоборимое упорство въ своихъ вредныхъ мнѣніяхъ* о благословенномъ крестѣ, духовной пѣсни аллилуія и другихъ религіозныхъ предметахъ и *дерзкія политическія разсужденія*".

Помимо своего главнаго назначенія—служить мѣстомъ заточенія для преступниковъ противъ церкви и государства, Соловецкая тюрьма являлась въ то же время, въ извѣстной степени, смирительнымъ домомъ для разныхъ „буйныхъ" и „дерзкихъ" головъ. Такъ, подполковникъ Ганибалъ попалъ въ эту тюрьму „за буйство и дерзкіе поступки"; священникъ Семеновъ—„за произнесеніе дерзкихъ словъ", губернскій секретарь Дыбовскій—„за дерзости и богохульство" и т. д.

Нѣкоторыя лица ссылались въ Соловки по ходатайству своихъ родственниковъ за развратное поведеніе, буйство и пьянство. Такъ, напримѣръ, корнетъ Спечинскій „за развратное поведеніе, пьянство и буйство,—по жалобѣ отца своего", былъ сосланъ въ Соловки до тѣхъ поръ, „пока утвердится въ доброй нравственности и особенно въ правилахъ нашей религіи".

Далѣе, въ Соловецкую тюрьму ссылались лица, совершившія особенно тяжкія уголовныя преступленія, въ родѣ убійства близкихъ себѣ людей: отца, матери, жены, дѣтей, а также виновные въ такихъ противоестественныхъ преступленіяхъ, какъ, напримѣръ, кровосмѣшеніе и т. п. Московскій купецъ Кирьяновъ былъ заточенъ за убійство своей родной сестры. Особенно же часто заточались въ Соловки лица, совершившія убійство въ припадкѣ сумасшествія. Одинъ заводскій мастеровой былъ сосланъ въ

Соловецкую тюрьму „на вѣчное содержаніе за убійство въ припадкѣ сумасшествія отца своего и жены“. Военный поселянинъ Псковскаго округа былъ сосланъ въ Соловки „для покаянія на всю жизнь за убійство въ скрытномъ сумасшествіи трехъ своихъ дочерей и родного брата, а также за покушеніе произвести многія (другія) убійства“.

Случайное, нечаянное убійство каралось съ той же суровостью, какъ и намѣренное, при чемъ даже дѣтскій возрастъ не освобождалъ отъ монастырскаго заточенія. Такъ, „малолѣтній казачій сынъ Иванъ Понасенко былъ заключенъ въ Соловецкую тюрьму за убійство 8-ми мѣсячной дѣвочки“. Въ моментъ совершенія этого убійства Понасенкѣ было не болѣе 10-ти лѣтъ. И хотя едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это убійство было совершенно случайное, по неосторожности, тѣмъ не менѣе, несчастный ребенокъ пробылъ въ монастырской тюрьмѣ около шести лѣтъ, пока наконецъ не былъ сданъ въ солдаты.

Крестьянинъ Тамбовской губерніи, Иванъ Безтолченовъ, за кровосмѣшеніе со своею снохою, былъ сосланъ въ Соловки по опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ видѣ эпитеміи на семь съ половиною лѣтъ, и т. д.

II.

Переходя къ группѣ религіозныхъ преступниковъ, необходимо отмѣтить, что чаще всего монастырскому заключенію въ Соловкахъ подвергались вожаки и руководители раскола — старообрядчества, а также основатели и главные дѣятели разныхъ сектъ, въ родѣ извѣстнаго безпоповца, костромского купца Папули-

на, есаула донского войска Евлампія Котельникова, извѣстнаго мистика, игумена Селенгинскаго монастыря Израиля, основателя Деснаго братства, артиллерійскаго капитана Ильина, „духовнаго царя“ прыгуновъ Рудометкина, пермскаго купца Адріана Пушкина, наставника саратовскихъ молоканъ Петра Плеханова, знаменитаго въ лѣтописяхъ секты бѣгуновъ или странниковъ Никиты Семенова Киселева и т. д.

Рядовые же, обыкновенные раскольники и сектанты ссылались въ Соловки большею частью тогда, когда они были обличены или же только заподозрѣны въ распространеніи раскола или сектантства. Несоблюденіе тѣхъ или иныхъ таинствъ православной церкви точно такъ же каралось Соловецкой тюрьмой. Такъ, напримѣръ, трое солдатъ были сосланы въ Соловки „за несогласіе крестить дѣтей своихъ по обряду православной церкви“.

Всѣ арестанты всегда присылались подъ строгимъ секретомъ, при чемъ весьма часто причины ссылки и заточенія того или другого лица указывались лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, напримѣръ, въ такомъ родѣ: высылается „за противозаконныя и крайне вредныя по расколу дѣйствія“, или же: „за пребываніе въ ереси и отрицаніе таинствъ исповѣди и святого причащенія“, или: „за распространеніе вредныхъ толковъ о вѣрѣ и богопротивныя дѣянія“; или: „за надругательство надъ св. иконами“; или: „за вторичное обращеніе изъ православія въ расколъ“; или: „за духовное преступленіе, въ которое онъ (штабсъ-капитанъ Щеголевъ) былъ вовлеченъ безнравственностью и невѣжествомъ“ и т. д.

Но и такого рода краткія характеристики дѣлались

далеко не всегда, нерѣдко же причины заточенія опредѣлялись еще болѣе лаконически и въ то же время еще болѣе неопредѣленно, какъ, напримѣръ: „за раскольничество“, „за старообрядчество“, за раскольническую ересь“ и т. д. Наконецъ, въ числѣ заключенныхъ въ монастырской тюрьмѣ были и такіе, относительно которыхъ даже само монастырское начальство было въ полной неизвѣстности о причинахъ, вызвавшихъ ихъ заточеніе.

Множество лицъ ссылалось въ Соловки „за отпаденіе отъ православія“ и „за совращеніе въ расколъ или ересь“. Чиновникъ 8-го класса Крестинскій былъ заключенъ въ Соловецкую тюрьму „за совращеніе себя (!), жены своей и дѣтей въ раскольническую ересь безпоповщины“. Съ особенною же строгостью преслѣдовалось совращеніе въ расколъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Довольно часты были случаи, когда въ Соловки ссылались за отказъ отъ военной службы; такіе отказы большею частью происходили по мотивамъ религіознаго характера. Такъ, рекрутъ изъ крестьянъ Московской губерніи, молоканинъ Иванъ Шуруповъ, 19 лѣтъ, по принятіи на службу, „отказался дать присягу, несмотря на всевозможныя принужденія“. Свой отказъ онъ мотивировалъ тѣмъ, что, по слову Божію, нужно служить одному Богу, а потому служить государю онъ не желаетъ и присягу принять отказывается, опасаясь быть клятвопреступникомъ.

Императоръ Николай Павловичъ на докладѣ о Шуруповѣ положилъ резолюцію объ отправкѣ его подъ конвоемъ въ Соловецкій монастырь.

Гвардейцы Николаевъ и Богдановъ бѣжали изъ военной службы въ раскольническій скитъ, устроенный

въ лѣсу однимъ мѣщаниномъ. При поимкѣ одинъ изъ гвардейцевъ отказался вовсе служить въ военной службѣ, какъ несогласной съ его убѣжденіями, и не хотѣлъ присягать, другой же, хотя и присягалъ, но съ условіемъ, чтобы ему дозволено было исповѣдывать старообрядчество. За это военное начальство рѣшило прогнать ихъ сквозь строй и отдать въ арестантскія роты, но государь повелѣлъ заточить ихъ въ Соловецкій острогъ.

При ссылкѣ въ Соловки сектантовъ и раскольниковъ, только въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ опредѣлялась та секта, къ которой принадлежалъ заточаемый въ монастырскую тюрьму, чаще же всего писалось, что такой-то ссылается „за богопротивную ересь“ или „за распространеніе сектантскихъ толковъ и дерзость противъ духовныхъ властей“, но въ чемъ именно состояла эта ересь или это сектантство—не объяснялось.

Впрочемъ, о принадлежности соловецкихъ узниковъ къ той или иной сектѣ иногда можно догадаться и по тѣмъ краткимъ характеристикамъ, которыя заключались о нихъ въ дѣлахъ. Такъ, напримѣръ, не трудно узнать послѣдователей извѣстной секты бѣгуновъ или странниковъ въ слѣдующихъ характеристикахъ соловецкихъ узниковъ: „Егоръ Ивановъ — изъ бродягъ, ссылается за сокрытіе своего званія и непризнаваніе никакихъ властей“; или NN — „неизвѣстный бродяга за непризнаваніе святыхъ угодниковъ, Государя Императора и начальственной власти“, или „бродяга непризнающій власти и религіи“ и т. д.

Только послѣдователи одной секты всегда опредѣлялись точно, это—скопцы, которыхъ не мало пе-

ребывало въ соловецкихъ казематахъ. Одинъ изъ нихъ, крестьянинъ Антонъ Дмитріевъ, за оскопленіе себя и своего помѣщика графа Головкина былъ заключенъ въ монастырскую тюрьму „навсегда". Онъ пробылъ въ заточеніи... страшно сказать!.. цѣлые 65 лѣтъ... Въ числѣ скопцовъ, сидѣвшихъ въ Соловецкой тюрьмѣ, встрѣчаются привиллегированныя, чиновныя лица, какъ, напримѣръ, штабсъ-капитанъ Созоновичъ.

Священники подвергались монастырскому заточенію чаще всего „за побѣгъ къ раскольникамъ". Къ этой главной винѣ нерѣдко присоединялись еще другія, въ родѣ нетрезвой жизни, пьянства, буйства и т. п. Священникъ Алексѣй Степановъ былъ заточенъ въ Соловки „за законопротивные поступки, нетрезвость буйство и побѣгъ къ раскольникамъ со вступленіемъ въ ихъ секту". Монахи ссылались въ Соловки за уклоненіе въ ересь, „за порочную жизнь", „за лживые и клеветническіе доносы", „за пьянственное и развратное поведеніе" и т. д.

Если судить по офиціальнымъ дѣламъ, то „еретичество" нѣкоторыхъ лицъ, изъ числа попадавшихъ въ Соловецкую тюрьму, иногда заходило слишкомъ далеко. Такъ, напримѣръ, въ 50-хъ годахъ въ Соловецкомъ острогѣ содержался придворный пѣвчій, окончившій курсъ Черниговской духовной семинаріи, Александръ Орловскій, обвиненный не болѣе не менѣе какъ въ *безбожіи*. Однако, если основываться на рукописи самого узника Орловскаго, то атеизмъ его состоялъ лишь въ томъ, что онъ въ пьяной компаніи, желая похвастаться своею ученостью и своимъ либерализмомъ, произнесъ нѣсколько дерзкихъ словъ противъ религіи. Слова эти кѣмъ-то изъ присут-

ствующихъ были переданы начальству, вслѣдствіе чего и возникло дѣло по обвиненію Орловскаго въ атеизмѣ. Результатомъ этого дѣла было заточеніе Орловскаго въ Соловкахъ.

Изъ сектъ, особенно далеко ушедшихъ отъ ученія православной церкви, едва ли не первое мѣсто принадлежитъ субботникамъ, т.-е. послѣдователямъ секты іудействующихъ. Какъ извѣстно, субботники отрицаютъ въ корнѣ не только православіе, но и все христіанство, исповѣдуя убѣжденіе, что обѣщанный Богомъ Спаситель міра, Мессія, до сихъ поръ еще не явился. Въ числѣ арестантовъ Соловецкой тюрьмы было нѣсколько послѣдователей „еврейской вѣры“, которымъ ставилось въ вину ихъ „отпаденіе отъ христіанства“.

Что касается отпаденія отъ православія,—въ чемъ завинялось огромное большинство соловецкихъ узниковъ, то нерѣдко отпаденіе это выражалось въ крайне рѣзкой формѣ; такъ, напримѣръ, по отзыву настоятеля монастыря, вахтеръ Иванъ Бураковъ былъ заключенъ въ Соловецкую тюрьму „за отступленіе отъ православія въ расколъ, какого еще не бывало: ничему не вѣритъ“. По отзывамъ того же архимандрита, Бураковъ — „величайшій богоотступникъ“, который „никакихъ увѣщаній не принимаетъ, святыню, догматы и Самого Іисуса Христа хулитъ, вѣритъ какимъ-то явленіямъ и понынѣ ожидаетъ измѣненія въ церкви и во всемъ мірѣ“.

Но неизмѣримо чаще мы встрѣчаемся съ такими случаями, когда монастырское заточеніе постигало людей за проступки, которые, казалось бы, не заключали въ себѣ ничего ужаснаго. Такъ, напримѣръ, три солдата были заключены въ Соловецкую тюрьму

„за старообрядчество". Рядовой Потайниковъ попалъ въ монастырскую тюрьму „за заблужденіе въ понятіи св. писанія". Многіе ссылались въ Соловки „за объявленіе нелѣпостей" или же „за нелѣпыя предсказанія". Крестьянинъ Сергѣевъ былъ заточенъ „за крещеніе себя двуперстнымъ сложеніемъ по раскольнически и разсказы нелѣпостей отъ религіознаго изступленія" и т. д. Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести множество.

Выше вы видѣли, что весьма значительную часть группы политическихъ узниковъ Соловецкой тюрьмы составляли лица, сосланныя туда за дерзкія и оскорбительныя слова противъ государственной власти и ея высшихъ представителей. Точно такъ же и среди лицъ, заточенныхъ въ Соловки за религіозныя преступленія и проступки, мы встрѣчаемъ множество лицъ, сосланныхъ за дерзкія и „богохульныя" слова противъ религіи, церкви, духовныхъ властей, а также за дерзкія слова о таинствахъ православной церкви, иконахъ и т. д. Крестьянинъ Вятской губерніи Семенъ Шубинъ „за сторообрядчество и богохульныя слова на св. дары и церковь" просидѣлъ въ Соловецкой тюрьмѣ... цѣлые 63 года! Учитель Воскресенскій „за дерзкія и богохульныя слова" былъ заключенъ въ Соловецкую тюрьму „*на всю жизнь*".

Особенно сурово каралось „оскорбленіе святыни", когда оно выражалось не только въ словахъ, но и въ дѣйствіяхъ. Въ этихъ случаяхъ виновные наказывались монастырскимъ заточеніемъ даже тогда, когда всѣ обстоятельства дѣла явно доказывали полную невмѣняемость лица, совершившаго это преступленіе. Такъ, неслужащій дворянинъ Мандрыка, жившій въ своемъ имѣніи въ селѣ Чепчугахъ, Ка-

занскаго уѣзда, и страдавшій явнымъ психическимъ разстройствомъ, за оскорбленіе святыни въ сельской церкви былъ сосланъ въ Соловки и подвергнутъ строгому одиночному заключенію въ монастырской тюрьмѣ.

Приведенные здѣсь факты, безъ сомнѣнія, доказываютъ, во-первыхъ, что Соловецкой тюрьмой наказывались лица, виновныя въ самыхъ разнообразныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, а, во-вторыхъ, наглядно рисуютъ, какую дѣйствительно важную, огромную роль въ общественной, народной жизни Россіи играла эта историческая тюрьма даже въ ближайшее къ намъ время.

III.

Кому случалось лично бывать въ Соловкахъ, тотъ навѣрное никогда не забудетъ того тяжелаго, удручающаго впечатлѣнія, какое неизмѣнно на всѣхъ производила монастырская тюрьма, извѣстная у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „острога“ и „темницы“.

Старинное, мрачное зданіе въ три этажа высилось надъ каменной стѣной, которая отдѣляла его отъ другихъ монастырскихъ зданій. Особенно ваше вниманіе приковывали къ себѣ ряды маленькихъ темныхъ оконъ съ тусклыми, позеленѣвшими отъ времени стеклами, съ толстыми *тройными* рамами и *двойными* желѣзными рѣшетками.

Тюрьма состояла изъ тѣсныхъ, полутемныхъ казематовъ, пропитанныхъ затхлой сыростью и зловоніемъ „парашекъ“ и лишенныхъ всякой вентиляціи. Вообще, здѣсь никто не думалъ ни о необходимости вентиляціи, ни о соблюденіи другихъ не менѣе важ-

ныхъ и элементарныхъ требованій гигіены и санитаріи. Соловецкая тюрьма,—какъ и всѣ вообще монастырскія тюрьмы, — стояла внѣ всякаго контроля судебныхъ и тюремныхъ учрежденій и находилась въ полномъ и единоличномъ завѣдываніи настоятеля монастыря, который и считался ея „комендантомъ". Пища была грубая и скудная. Арестанты радовались какъ дѣти, когда имъ приносили свѣжій, мягкій хлѣбъ.

Тяжесть положенія лицъ, заточенныхъ въ монастырѣ, особенно усиливалась благодаря климатическимъ, совершенно исключительнымъ, условіямъ Соловецкаго острова: постоянные туманы, плотно окутывающіе землю, холодное, нелюдимое море, длинныя, полярныя ночи, безконечныя суровыя зимы, тьма и мракъ, жестокія пурги и лютые морозы—вотъ, что окружало узниковъ, томившихся въ сырыхъ и смрадныхъ казематахъ монастырской тюрьмы долгіе-долгіе годы а зачастую и цѣлые десятки лѣтъ.

Особенно тяжело, конечно, было положеніе здѣсь уроженцевъ юга: жителей Украйны, Новороссіи и Кавказа.

Въ теченіе всей зимы обитатели Соловокъ бываютъ совершенно отрѣзаны отъ всего остального міра, къ нимъ не достигаютъ ни письма ни газеты, такъ какъ всякія сообщенія съ материкомъ прекращаются. Вольные и невольные обитатели Соловокъ находятся въ полномъ невѣдѣніи того, что творится на бѣломъ свѣтѣ, что происходитъ за предѣлами ихъ пустыннаго острова. Только съ первымъ пароходомъ, который придетъ къ нимъ весной или, правильнѣе говоря, лѣтомъ, они узнаютъ о томъ, что произошло за все то время, въ теченіе котораго они ли-

шены были возможности всякаго общенія съ живыми людьми.

Съ страстнымъ нетерпѣніемъ ждутъ лѣта жители крайняго сѣвера, но для обитателей Соловецкой тюрьмы и лѣто не приноситъ радости и счастія, такъ какъ въ теченіе лѣта надзоръ за арестантами и вообще строгости заключенія значительно усиливаются вслѣдствіе боязни побѣга. Зимой изъ Соловокъ бѣжать никуда невозможно. Поэтому въ теченіе зимняго времени арестанты пользуются нѣкоторой свободой: ихъ выпускаютъ изъ камеръ на монастырскій дворъ за водой, за дровами, за пищей. Но съ приходомъ перваго же судна условія рѣзко мѣняются, арестанты лишаются права выходить изъ воротъ тюрьмы, казематы ихъ затворяются на замокъ, надзоръ за тюрьмой усиливается, принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы арестанты какъ-нибудь не вошли въ сношенія съ богомольцами и другими лицами, посѣщающими лѣтомъ Соловки.

Тюрьма, которая была до самаго послѣдняго времени въ Соловкахъ, получила свое начало въ 1718 г., когда въ сѣверо-западномъ углу монастыря, близъ Короженской башни съ земляными тюрьмами, построена была большая двухъэтажная „палата“. Нижній этажъ этой палаты въ 1798 году былъ приспособленъ для тюремныхъ помѣщеній, при чемъ на первый разъ въ немъ было устроено 12 казематовъ, или же „арестантскихъ чулановъ“. Спустя 30 лѣтъ, въ 1828 году, въ царствованіе Николая Павловича и второй этажъ этой палаты былъ обращенъ въ тюрьму, при чемъ въ немъ было устроено 16 казематовъ, или чулановъ.

Въ это время, т.-е. въ началѣ только-что минув-

шаго столѣтія, караульные солдаты, которые стерегли арестантовъ, помѣщались въ томъ же самомъ зданіи тюрьмы: коридоры между арестантскими „чуланами" служили помѣщеніемъ для солдатъ. Такое близкое сосѣдство стражи съ арестантами часто вызывало разныя непріятныя столкновенія между ними, а потому въ 1842 году, по просьбѣ архимандрита Иларія, для солдатъ и офицера построена была особая казарма, а тюрьма увеличена надстройкою третьяго этажа. Въ такомъ видѣ она существовала до самаго послѣдняго времени, т.-е. до осени прошлаго 1903 г.

По свидѣтельству г. Колчина, въ Соловкахъ сохранилась легенда, относящаяся до постройки этой тюрьмы. Извѣстно, что въ одномъ изъ самыхъ мрачныхъ казематовъ, расположенномъ на южной сторонѣ монастырской крѣпостной стѣны, долгое время находился въ заточеніи послѣдній кошевой атаманъ Сѣчи Запорожской Кольнишевскій. Будучи уже глубокимъ старикомъ, онъ просидѣлъ въ этомъ казематѣ цѣлые 16 лѣтъ, послѣ чего вдругъ выяснилось, что онъ ни въ чемъ не былъ виноватъ. И вотъ разсказываютъ, что царь, освободивъ Кольнишевскаго, захотѣлъ чѣмъ-нибудь вознаградить его за перенесенныя имъ страданія и приказалъ спросить у него: чего онъ хочетъ себѣ въ награду?

— „Старъ я сталъ, — отвѣчалъ Кольнишевскій, — мірскія почести меня не прельщаютъ, богатство мнѣ не нужно: не прожить мнѣ и того, что у меня есть... Если же царь-батюшка хочетъ меня пожаловать, пусть онъ прикажетъ выстроить для преступниковъ настоящую тюрьму, чтобы они не маялись, какъ я, въ душныхъ казематахъ крѣпости".

IV.

Долгое время глубокая тайна скрывала все то, что касалось заточенія людей въ монастырскія тюрьмы. Долгое время русская печать не имѣла возможности касаться вопроса о монастырскихъ заточеніяхъ и, въ частности, вопроса о Соловецкой тюрьмѣ и условіяхъ содержанія въ ней заключенныхъ. Только въ 1880 г., благодаря тѣмъ совершенно случайнымъ и кратковременнымъ облегченіямъ, которыя получила наша пресса при Лорисъ-Меликовѣ, явилась возможность заговорить о Соловецкой тюрьмѣ, поднять вопросъ о необходимости освобожденія лицъ, содержащихся въ ней, и, наконецъ, поставить вопросъ о настоятельной необходимости возможно скорѣе и разъ навсегда покончить съ этой давно отжившей формой наказанія, отъ которой такъ и вѣетъ средними вѣками.

Можно думать, что и въ правительственныхъ сферахъ мало-по-малу пришли къ убѣжденію о полной непригодности Соловецкой тюрьмы. И вотъ мы видимъ, что съ теченіемъ времени число лицъ, ссылаемыхъ въ Соловецкую тюрьму, постепенно становится все меньше и меньше. Въ 1886 году этой тюрьмѣ былъ нанесенъ сильный ударъ: командующій войсками С.-Петербургскаго военнаго округа Великій Князь Владиміръ Александровичъ, посѣтивъ Соловки и найдя, что воинская команда, на обязанности которой было караулить арестантовъ монастырскаго острога, совершенно тамъ излишня, въ виду незначительности числа арестантовъ, — сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ этой команды изъ Соловокъ.

Окончательному упраздненію Соловецкой тюрьмы, какъ говорятъ, не мало содѣйствовалъ бывшій воен-

ный министръ А. Н. Куропаткинъ, лично посѣтившій Соловки лѣтомъ 1902 года. Какъ бы то ни было, но въ слѣдующемъ же 1903 году состоялась передача правительствомъ тюремныхъ зданій въ собственность Соловецкаго монастыря. Кромѣ главнаго зданія, въ которомъ была тюрьма, монастырю переданъ также и двухъэтажный каменный флигель, гдѣ помѣщались караульныя команды и офицеръ.

Въ прежней тюрьмѣ, въ казематахъ которой еще недавно томились узники, теперь устраивается братская больница съ церковью. Въ это же зданіе переведены монастырскіе схимники. Флигель, служившій ранѣе для военной команды, теперь занятъ квартирой врача и аптекой. По распоряженію А. Н. Куропаткина, въ Соловки командированъ военный врачъ, который будетъ ежегодно замѣняться другимъ. До сихъ поръ Соловецкій монастырь былъ лишенъ всякой медицинской помощи, если не считать фельдшера, отъ времени до времени посѣщавшаго Соловки.

Въ настоящее время изъ числа бывшихъ узниковъ, сидѣвшихъ въ монастырской тюрьмѣ, въ Соловкахъ, если не ошибаемся, остается одинъ только Петръ Лаврентьевъ, сосланный сюда въ заточеніе 23 года тому назадъ. Теперь онъ живетъ на Сѣкирной горѣ, въ скиту. Несмотря на долголѣтнее тюремное заключеніе, Лаврентьевъ и по сейчасъ не оставилъ своихъ прежнихъ убѣжденій, и, какъ намъ сообщаютъ, „пользуется каждымъ случаемъ, чтобы громить и бичевать монаховъ“. Впрочемъ, люди, имѣвшіе случай бесѣдовать съ Лаврентьевымъ, увѣряли насъ, что двадцатилѣтнее тюремное заключеніе оставило глубокіе слѣды въ его душевномъ строѣ, въ конецъ разстроивъ его психику. По увѣренію этихъ лицъ, въ настоящее

время Лаврентьевъ представляетъ изъ себя жалкаго, полупомѣшаннаго человѣка.

Съ упраздненіемъ Соловецкой тюрьмы навсегда прекратилось монастырское *заточеніе*,—этотъ мрачный остатокъ давно прошедшихъ вѣковъ. Но ссылка въ Соловки не прекратилась. Къ сожалѣнію, *и сейчасъ* ссылка въ Соловецкій монастырь практикуется въ широкихъ размѣрахъ. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что въ настоящее время въ Соловки ссылаются почти исключительно лица духовнаго званія и сана, чаще всего монахи, провинившіеся противъ монастырскаго устава.

Въ теченіе 1902—1903 года въ Соловецкомъ монастырѣ было 10 человѣкъ ссыльныхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ. Вотъ ихъ имена: Ѳеофанъ, Павелъ, Иліодоръ, Серафимъ, Исихій, Пафнутій, Иракліи, Всеволодъ, Николай и Александръ. Нѣкоторые изъ нихъ „запрещены“ и находятся подъ эпитеміей безсрочно. Сосланы они на неопредѣленное время, впредь до дальнѣйшаго распоряженія Св. Синода. Жизнь въ Соловкахъ этихъ ссыльныхъ монаховъ, конечно, очень не завидна. Большая часть ихъ разослана по дальнимъ скитамъ монастыря подъ строгій присмотръ.

Но кромѣ монаховъ, прегрѣшившихъ противъ монастырскаго устава, въ Соловки до сихъ поръ ссылаютъ также лицъ виновныхъ или же только заподозрѣнныхъ въ „еретичествѣ“. Такъ, въ настоящее время въ Соловецкомъ монастырѣ находится въ ссылкѣ „за ересь“ разстриженный архимандритъ Михаилъ и его послѣдователь монахъ Исаакій. Оба они сосланы въ Соловки, какъ говорятъ тамошніе монахи: „до конца ихъ живота“ подъ строжайшій надзоръ настоятеля монастыря. Между прочимъ имъ безусловно

воспрещена всякаго рода переписка съ кѣмъ бы то ни было.

Въ чемъ, собственно, состояла ересь бывшаго архимандрита Михаила, мнѣ, къ сожалѣнію, узнать не удалось, такъ какъ о причинахъ, вызвавшихъ его ссылку, соловецкіе монахи говорятъ крайне неохотно, и вообще все это дѣло сохраняется въ великой тайнѣ. Если вѣрить разсказу одного лица, имѣвшаго случай, по его словамъ, видѣть формуляры архимандрита Михаила и монаха Исаакія, то можно заключить, что оба они сосланы за ересь хлыстовскаго характера. По разсказу этого лица, архимандритъ Михаилъ, влюбившись въ деревенскую дѣвушку, настолько возвеличилъ ее, что сталъ считать ее безгрѣшной и даже святой. Исаакій раздѣлялъ убѣжденіе своего архимандрита и тоже доказывалъ святость этой дѣвушки.

Такимъ образомъ, отнынѣ Соловецкая тюрьма, прекративъ свое долгое и печальное существованіе, отошла, наконецъ, въ область исторіи. Мрачную, кровавую память оставила она по себѣ въ сердцахъ многихъ тысячъ русскихъ людей. Дамокловымъ мечомъ висѣла эта тюрьма въ теченіе цѣлыхъ столѣтій надъ мыслью и совѣстью русскаго народа. Отнынѣ ея мрачные казематы и „чуланы“ не будутъ уже болѣе пугать и страшить тѣхъ, чья пытливая мысль въ поискахъ за духовнымъ, этическимъ обновленіемъ сойдетъ съ колеи готовыхъ, избитыхъ шаблоновъ, выйдетъ изъ тѣсныхъ казенныхъ, офиціальныхъ рамокъ.

Этому, конечно, нельзя не порадоваться отъ всей души, но...

Но при этомъ не слѣдуетъ, однако, забывать, что

Соловецкая тюрьма, къ сожалѣнію, была не единственной въ своемъ родѣ. Не слѣдуетъ забывать, что въ одномъ изъ центральныхъ монастырей Россіи — Суздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ — до сихъ поръ продолжаетъ функціонировать крѣпость-тюрьма, въ которой и сейчасъ томятся 14 человѣкъ „преступниковъ противъ религіи и церкви". Слѣдовало бы, наконецъ, вспомнить объ этихъ несчастныхъ, очевидно, совершенно забытыхъ людяхъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ находятся въ одиночномъ заключеніи монастырской тюрьмы уже болѣе 10-ти, 15-ти и даже 20-ти лѣтъ. Такъ, напримѣръ, уроженецъ Нижегородской губерніи Николай Ивановичъ Добролюбовъ сидитъ въ Суздальской монастырской тюрьмѣ уже 25 лѣтъ...

Неужели двадцатилѣтняго суроваго одиночнаго заключенія не достаточно для того, чтобы загладить и искупить даже несомнѣнную, вполнѣ доказанную и притомъ серьезную и важную вину? Соображеніе это имѣетъ за себя тѣмъ больше основаній, что виновность многихъ лицъ, томящихся въ монастырскихъ тюрьмахъ, отнюдь не можетъ считаться вполнѣ доказанной.

При подобныхъ условіяхъ полная амнистія всѣмъ томящимся въ монастырскихъ тюрьмахъ явилась бы актомъ необходимой справедливости.

Горячо хотѣлось бы видѣть этотъ актъ осуществленнымъ именно теперь, въ трудные дни, переживаемые націей, когда для русскаго общества и народа такъ особенно важно и дорого, съ одной стороны, полное духовное единеніе, а, съ другой — подъемъ бодраго общественнаго настроенія...

МОНАСТЫРСКІЯ ЗАТОЧЕНІЯ ПОСЛѢДНЯГО ВРЕМЕНИ.

Монастырскія заточенія послѣдняго времени.

Въ виду того, что у насъ въ обществѣ весьма сильно распространенъ взглядъ на монастырскія заточенія какъ на явленіе болѣе или менѣе далекаго прошлаго и потому большинство склонно признавать за этой формой наказанія лишь чисто историческое значеніе, — мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь и подробнѣе остановиться на нѣкоторыхъ фактахъ и примѣрахъ изъ самаго послѣдняго времени, чтобы наглядно показать, что, несмотря на чисто средневѣковой характеръ этого наказанія, оно, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ примѣняется у насъ весьма часто.

Помимо этого, факты и примѣры, которые мы приводимъ здѣсь, могутъ послужить, какъ намъ кажется, выразительной и яркой иллюстраціей той общей системы борьбы съ сектантствомъ и всякаго рода религіозно-этическими разномысліями, которой и до сихъ поръ держится наша администрація, какъ гражданская, такъ и особенно духовная. Съ этой точки зрѣнія явленія и факты, приводимые нами здѣсь, получаютъ важное, можно сказать, огромное общественное значеніе.

Вотъ эти факты.

I.

Случай первый.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1902 года изъ Суздальской монастырской тюрьмы былъ освобожденъ архангельскій уроженецъ Василій Осиповичъ Раховъ, просидѣвшій въ одиночномъ заключеніи монастырскаго каземата цѣлыя весемь лѣтъ. Намъ удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, при которыхъ состоялась ссылка и заточеніе Рахова въ монастырь,—свѣдѣнія, которыя мы и считаемъ полезнымъ огласить въ печати въ виду того, что исторія заточенія Рахова воочію убѣждаетъ въ томъ, какъ легко у насъ даже и теперь попасть въ монастырскую тюрьму.

Біографическія данныя о г. Раховѣ, а также свѣдѣнія объ его благотворительной и просвѣтительной дѣятельности, которая, собственно говоря, и привела его въ Суздальскую тюрьму, мы находимъ въ письмѣ изъ Архангельска, напечатанномъ въ газетѣ „Недѣля" за 1893 годъ.

„Лѣтъ десять тому назадъ,—сообщалось въ этомъ письмѣ,—въ одной изъ торговыхъ конторъ богатой нѣмецкой фирмы въ Архангельскѣ состоялъ на службѣ молодой человѣкъ, лѣтъ 22-хъ, нѣкто В. Раховъ. Сынъ довольно состоятельныхъ родителей, на прекрасномъ счету у своихъ принципаловъ, онъ былъ уже, такъ сказать, на порогѣ блестящей житейской карьеры, какъ вдругъ, къ ужасу родныхъ и немалому изумленію знакомыхъ, бросилъ и службу и общество, въ которомъ вращался, и куда-то исчезъ. Спустя нѣкоторое время, мы застаемъ его уже въ глухой деревушкѣ Пинежскаго уѣзда. Тамъ, пере-

ходя изъ избы въ избу, онъ усердно обучаетъ грамотѣ и закону Божію деревенскихъ ребятишекъ, дѣломъ и совѣтомъ помогаетъ взрослымъ, а по вечерамъ и въ праздники читаетъ имъ книжки религіозно-нравственнаго содержанія. Въ то же время онъ вступаетъ въ дѣятельную борьбу съ грубостью, пьянствомъ и другими недостатками мужика, успѣшно будитъ его совѣсть, и крестьяне нравственно оживаютъ. Раховъ является желаннымъ гостемъ въ каждой избѣ: онъ и учитель, и миротворецъ, и помощникъ. Мужики перестаютъ пить; бабы, натерпѣвшіяся отъ пьяныхъ мужей, благодарятъ Провидѣніе за то, что оно послало имъ такого человѣка, черезъ котораго онѣ увидѣли свѣтъ.

„Долго ли продолжалась бы эта просвѣтительная дѣятельность Рахова—неизвѣстно, но только, по доносу мѣстнаго священника, которому онъ показался подозрительнымъ, ему было воспрещено оставаться въ деревнѣ,—и Раховъ уѣхалъ въ Архангельскъ. Это было весной. Проживъ нѣсколько дней дома, Раховъ снова куда-то исчезъ, и теперь уже надолго.

„Проходитъ болѣе двухъ лѣтъ, пока онъ вновь появляется на родинѣ. Оказывается, что за это время онъ пѣшкомъ обошелъ весь русскій югъ, побывалъ на Аѳонѣ, пробрался въ Палестину *).

Наконецъ, онъ попадаетъ въ Одессу. Здѣсь, по своему обыкновенію, онъ поселяется на одной изъ окраинъ города и входитъ въ соприкосновеніе съ населеніемъ ея, состоящимъ изъ рабочихъ, босяковъ и нищихъ. Онъ приходитъ въ ужасъ отъ той страшной и безысходной нужды, среди которой живутъ

*) Недѣля, 1893 г. № 16.

всѣ эти люди. Онъ рѣшаетъ заявить объ этомъ богатому одесскому обществу, чтобы вызвать съ его стороны участіе и помощь этой вопіющей нуждѣ. Но какъ это сдѣлать?

Каждый день, каждый вечеръ богатые, состоятельные люди собираются въ театрѣ, и вотъ, не долго думая, Раховъ идетъ въ театръ и занимаетъ мѣсто въ партерѣ. Публики, дѣйствительно, масса, почти всѣ мѣста заняты. Въ первый же антрактъ, какъ только упалъ занавѣсъ и публика готова была подняться со своихъ мѣстъ,—Раховъ обратился къ ней съ, горячей рѣчью, въ которой, описавъ нужду и нищету голытьбы, гнѣздящейся на окраинахъ Одессы призывалъ общество немедленно же придти на помощь.

Легко, конечно, представить себѣ финалъ подобной попытки: на сцену не замедлила, разумѣется, выступить полиція, затѣмъ—арестъ и протоколъ и окончательная развязка—въ участкѣ. Въ результатѣ Рахова отправляютъ изъ Одессы по этапу на мѣсто родины въ Архангельскъ. Здѣсь его „сажаютъ въ тюрьму, судятъ какъ распространителя какой-то ереси, но, не найдя ни въ словахъ, ни въ поступкахъ его ничего предосудительнаго, оправдываютъ и выпускаютъ на волю“.

„Вскорѣ послѣ этого Раховъ опять уходитъ на югъ и затѣмъ черезъ годъ вновь препровождается по этапу на родину уже изъ Кіева. Замѣчательно, что и въ тюрьмѣ, и во время слѣдованія этапомъ, онъ всегда былъ бодръ и „радостенъ“ (выраженіе конвоировъ) и имѣлъ неотразимое и благотворнѣйшее вліяніе на своихъ товарищей по неволѣ. По отзыву тюремщиковъ и конвойныхъ, разные бродяги, мошенники, слушавшіе его убѣжденную рѣчь, дѣлались

нравственно чище, лучше; иные же положительно исправлялись".

Попавъ снова въ Архангельскъ, Раховъ весь отдается живому, активному служенію ближнимъ, въ духѣ чистаго христіанства. Его лозунгомъ становится: „все для другихъ, ничего для себя". Онъ входитъ въ тѣсное и близкое общеніе съ бѣднотой, гнѣздящейся на городскихъ окрайнахъ, внимательно и подробно изучаетъ нужды этого люда. „Ежедневно, съ ранняго утра и до глубокой ночи, посѣщаетъ онъ ночлежные пріюты и разныя трущобы, въ которыхъ ютятся бѣдность, порокъ, преступленіе, учитъ добру, грамотнымъ раздаетъ книги, помогаетъ гдѣ и чѣмъ можетъ, миритъ ссорящихся". Въ началѣ зимы 1893 года, въ двухъ самыхъ захолустныхъ пунктахъ города, населенныхъ исключительно бѣдняками, Раховымъ были наняты квартиры, гдѣ онъ ежедневно кормилъ до ста и болѣе человѣкъ. „Эти трапезы обыкновенно начинались и оканчивались чтеніемъ евангелія и житія святыхъ, разъясненіемъ ихъ и молитвою. Масса постороннихъ ходила изъ любопытства въ столовыя Рахова единственно для того, чтобы послушать его бесѣды и чтенія. Но такъ какъ на устройство этихъ столовыхъ не было испрошено надлежащаго разрѣшенія, то послѣдовало закрытіе ихъ".

Лишенный возможности организовать на болѣе широкихъ началахъ дѣло благотворительной помощи, Раховъ волей-неволей вынужденъ былъ сузить свою дѣятельность въ этой области. Тогда онъ началъ ходить изъ дома въ домъ, изъ лачуги въ лачугу, при чемъ, по увѣренію автора цитируемой нами корреспонденціи,—„всегда являлся какъ разъ

во-время тамъ, гдѣ требовалась немедленная помощь или утѣшеніе". Зимой, ранней порой, когда еще темно, онъ выходилъ со двора съ санками, на которыхъ были уложены мука, хлѣбъ, дрова и т. п.; онъ останавливался у заранѣе отмѣченныхъ имъ избушекъ бѣдняковъ и оставлялъ у ихъ порога муку или дрова, — и затѣмъ удалялся, никѣмъ не замѣченный.

Среди бѣдняковъ и рабочаго класса города дѣятельность Рахова имѣла явно благотворное морализующее вліяніе. „Такъ на нѣкоторыхъ лѣсопильныхъ заводахъ рабочіе, подъ вліяніемъ Рахова, ежедневно начинаютъ теперь работу общею молитвою, и, по отзыву заводчиковъ, вы нынѣ не услышите въ ихъ средѣ ни сквернословія, ни раздоровъ, ни ругани. Помимо этого у нихъ замѣчается сильный подъемъ духа, и само дѣло отъ этого выигрываетъ".

Въ заключеніе корреспонденціи авторъ задается вопросомъ: „гдѣ же беретъ средства этотъ странный человѣкъ, чтобы поить и кормить массу голодныхъ людей, покупать книги для раздачи, помогать и т. д. — „Богъ даетъ",—отвѣтилъ бы на такой вопросъ самъ Раховъ. Средства эти шлютъ ему отовсюду, и въ этомъ отношеніи онъ такъ же обезпеченъ, какъ Іоаннъ Кронштадтскій *)".

Особенно много сдѣлалъ Раховъ для бѣднѣйшей части Архангельскаго населенія въ тяжелую годину памятной всѣмъ голодовки 1892 года. Помимо открытыхъ имъ столовыхъ, въ которыхъ кормились всѣ бѣдняки и нищіе города, а также пришлый людъ, особенно изъ числа богомольцевъ, ежегодно въ огром-

*) „Недѣля", 1893 г. № 16, стран. 507.

номъ числѣ направляющихся въ Соловецкій монастырь,—Раховъ на одной изъ окраинъ города, населенной преимущественно бѣднотой, въ Кузнечихѣ, устроилъ мастерскія, или вѣрнѣе домъ трудолюбія, гдѣ бѣдняки, не имѣвшіе средствъ завести свое собственное дѣло и пріобрѣсти инструменты, занимались столярнымъ и сапожнымъ ремеслами, щипали пеньку, плели коврики и т. д. Тутъ были какъ мужчины, такъ и женщины.

Затѣмъ, снявъ особый домъ, онъ устроилъ въ немъ пріютъ на 40 человѣкъ дѣтей, въ который принимались дѣти, преимущественно сироты, съ груднаго возраста и до 12 лѣтъ. Наконецъ, имъ устроенъ былъ ночлежный домъ для всѣхъ безпріютныхъ и бездомныхъ. Но ему и этого оказалось мало, и онъ готовъ былъ каждую минуту дѣлиться всѣмъ, что онъ имѣлъ, съ бѣдняками и нищими. У него ничего не было своего, личнаго, завѣтнаго, съ чѣмъ бы онъ не разстался и не подѣлился бы съ неимущими, босяками и нищими. Бывали случаи, когда онъ, въ суровую зимнюю вьюгу, встрѣтивъ гдѣ-нибудь босяка или нищаго, одѣтаго въ дырявое рубище,—обмѣнивался съ нимъ платьемъ, бывшимъ въ это время на немъ. Однажды, встрѣтивъ нищаго, дрожавшаго отъ холода, Раховъ снялъ съ себя только-что подаренную ему отцомъ прекрасную шубу на лисьемъ мѣху и одѣлъ ее на нищаго.

Вполнѣ естественно, что вся городская голытьба смотрѣла на Рахова, какъ на своего благодѣтеля; она чуть не молилась на него. Что касается другихъ слоевъ населенія, то они относились къ этому необыкновенному человѣку весьма различно, хотя, повидимому, всѣ безусловно вѣрили въ полную искрен-

ность его побужденій и тѣхъ внутреннихъ, этическихъ мотивовъ, которыми онъ руководствовался въ своей дѣятельности. Но одни считали его чудакомъ и оригиналомъ, другіе—религіозно настроеннымъ мистикомъ и „человѣкомъ не отъ міра сего", третьи, наконецъ, — не вполнѣ нормальнымъ, немного „тронувшимся" человѣкомъ.

Какъ бы то ни было, но довольно долгое время все шло вполнѣ благополучно: учрежденія, созданныя Раховымъ на пользу населенія, постепенно развивались и крѣпли. Вдругъ по городу пошли какіе-то странные, тревожные слухи. Судя по этимъ слухамъ, можно было заключить, что мѣстное духовенство заподозрило Рахова въ неисполненіи имъ нѣкоторыхъ обрядовъ православной церкви. Таинственно сообщалось о какихъ-то брошюркахъ и книжкахъ, которыя читались иногда въ открытыхъ имъ учрежденіяхъ и которыя, яко бы, не вполнѣ согласны съ ученіемъ и правилами православной церкви. Говорилось, что Раховъ будто бы съ недостаточнымъ почтеніемъ относится къ иконамъ св. угодниковъ.

Произведены были обыски въ учрежденіяхъ, организованныхъ Раховымъ, но при этомъ рѣшительно ничего не только преступнаго, но и сколько-нибудь подозрительнаго обнаружено не было. Иконы вездѣ оказались на подобающихъ имъ мѣстахъ, брошюрки, возбудившія тревогу и подозрѣнія мѣстныхъ священниковъ, оказались самыми невиннѣйшими книжками, прошедшими всевозможныя цензуры.

Тѣмъ не менѣе, однако, по настоянію духовныхъ властей, противъ Рахова было возбуждено судебное преслѣдованіе, и затѣмъ онъ былъ привлеченъ къ

суду; дѣло его разсматривалось Архангельской палатой. Когда ему предложили избрать себѣ защитника, онъ отказался, замѣтивъ: „Богъ защититъ". Къ сожалѣнію, намъ не пришлось узнать, какъ именно было формулировано обвиненіе противъ Рахова, но судомъ, какъ мы уже упоминали выше, онъ былъ оправданъ, такъ какъ ровно ничего преступнаго въ его дѣйствіяхъ судъ не нашелъ.

Мѣстная администрація, во главѣ съ губернаторомъ А. П. Энгельгардтомъ, также ничего не имѣла противъ Рахова и его дѣятельности. Но архангельское епархіальное начальство, очевидно, было на этотъ счетъ другого мнѣнія, такъ какъ нашло необходимымъ возбудить ходатайство о ссылкѣ и заключеніи Рахова въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь. Ходатайство это было немедленно уважено и въ октябрѣ мѣсяцѣ 1894 года въ Архангельскѣ получилось изъ Петербурга распоряженіе объ отправкѣ Рахова въ Суздальскую монастырскую тюрьму.

Немедленно же по полученіи въ Архангельскѣ распоряженія о ссылкѣ въ монастырь Рахова, послѣдній былъ арестованъ и заключенъ въ тюремный замокъ, къ великому ужасу его отца и матери. Затѣмъ съ первымъ же этапомъ, 20-го октября, въ 8 часовъ утра, Раховъ былъ отправленъ въ г. Суздаль, при чемъ ему не разрѣшено было проститься даже съ родной матерью и отцомъ.

Ссылка въ монастырь единственнаго сына, на котораго семьей возлагались всѣ надежды, страшно поразила и потрясла какъ старика отца, такъ и его жену. Послѣдняя не перенесла удара: она слегла въ постель и, прохворавъ около трехъ мѣсяцевъ, умерла

„отъ скорби“ 10-го февраля 1895 года. Со смертью жены старикъ остался одинокимъ бобылемъ. Съ горечью, хотя и безъ малѣйшей тѣни озлобленія, жаловался онъ на тяжелый ударъ судьбы, поразившій его семью. Убитый горемъ отецъ, между прочимъ, съ тревогой высказывалъ предположеніе, что одиночное тюремное заключеніе можетъ особенно сильно повліять на мистически настроенное воображеніе его сына и даже можетъ повлечь за собою полное душевное разстройство его, тѣмъ болѣе, что ранѣе въ молодости онъ уже перенесъ приступъ психической болѣзни.

Несчастный старикъ всю надежду возлагалъ на прошенія, которыя онъ подавалъ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ и въ которыхъ онъ умолялъ объ освобожденіи его сына изъ монастырской тюрьмы и объ отдачѣ его ему на поруки... Увы! надеждѣ этой не суждено было осуществиться: старикъ умеръ, такъ и не дождавшись освобожденія сына изъ монастырскаго каземата.

Но есть основанія думать, что мольбы и прошенія старика Рахова, въ концѣ концовъ, все-таки были услышаны; по крайней мѣрѣ, — какъ мы уже сообщали въ началѣ этой главы, — Василій Осиповичъ Раховъ былъ освобожденъ изъ Суздальской тюрьмы въ августѣ 1902 года. Онъ поселился въ Архангельскѣ, въ семьѣ своихъ родственниковъ. Восьмилѣтнее тяжелое одиночное заключеніе, повидимому, не прошло для него безслѣдно. Люди, знавшіе молодого Рахова до его ссылки и послѣ нея, говорятъ, что опасенія его отца за психическое состояніе здоровья сына—имѣли полное основаніе. Долголѣтняя тюрьма наложила страшную печать на весь духов-

ный обликъ несчастнаго узника, на всю его психику. Едва ли теперь онъ способенъ къ жизни и дѣятельности.

Такова печальная исторія Рахова. Мы изложили ее здѣсь на основаніи, съ одной стороны, — газетныхъ извѣстій, а съ другой—разсказовъ отца Рахова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, имѣвшихъ случай близко знать В. О. Рахова. Но такъ какъ подлиннаго дѣла о немъ мы не имѣли въ рукахъ, то, быть - можетъ, въ наше сообщеніе невольно вкрались нѣкоторыя неточности. Поэтому, въ интересахъ истины, въ интересахъ выясненія этой глубоко печальной и прискорбной исторіи — нельзя не пожелать, чтобы архангельское епархіальное начальство нашло возможнымъ огласить въ печати обстоятельства, вызвавшія необходимость примѣненія одной изъ самыхъ тяжелыхъ уголовныхъ каръ къ человѣку, дѣятельность котораго, казалось, всецѣло была проникнута духомъ высокаго христіанскаго подвига.

Безъ подробнаго же знакомства со всѣми условіями и обстоятельствами дѣла, вызвавшими ссылку и заточеніе Рахова,—невольно у каждаго являются вопросы: за что же, наконецъ, такъ жестоко пострадалъ этотъ рѣдкій альтруистъ, стремившійся свою жизнь и дѣятельность построить на евангельскомъ идеалѣ? За что разбита жизнь этого человѣка и жизнь его семьи? Не вкралось ли въ это дѣло какой-нибудь роковой ошибки со стороны лицъ, возбудившихъ преслѣдованіе противъ человѣка, въ дѣятельности котораго уголовный судъ, разбиравшій его дѣло, не нашелъ состава преступленія?

II.

Случай второй.

Въ числѣ лицъ, и сейчасъ томящихся за рѣшетками Суздальской монастырской тюрьмы, между прочимъ, находится нѣкто Ермолай Федосѣевъ, заключенный туда согласно ходатайству самарскаго епархіальнаго начальства. Вотъ уже пятый годъ сидитъ онъ въ строгомъ одиночномъ заключеніи монастырскаго каземата. О причинахъ, вызвавшихъ это заточеніе, находимъ слѣдующее объясненіе въ „отчетѣ о состояніи сектантства въ Самарской епархіи за 1900 годъ“.

„По отношенію къ нераскаяннымъ и зловреднымъ еретикамъ и пропагаторамъ епархіальное начальство прибѣгало къ крайнему средству воздѣйствія, ходатайствуя предъ Св. Синодомъ объ изъятіи ихъ изъ среды православной паствы чрезъ заключеніе въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь. Такъ оно вынуждено было поступить съ нѣкіемъ Ермолаемъ Федосѣевымъ, который жилъ въ пещерѣ и своей лицемѣрной (?) праведностью привлекалъ къ себѣ массы простого народа“ *).

Слѣдуетъ хотя на минуту остановиться на этихъ строчкахъ „отчета“, чтобы вникнуть въ ихъ сокровенный смыслъ. Прежде всего, нельзя не отмѣтить въ нихъ той откровенности, съ которой самарское епархіальное начальство заявляетъ о своемъ отношеніи къ тѣмъ изъ „еретиковъ“ и „пропагандистовъ“, которыхъ оно почему-нибудь признаетъ „не-

*) „Самарскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1901 г. № 16.

раскаянными и зловредными". По отношенію къ такимъ лицамъ оно, очевидно, со спокойною совѣстью считаетъ себя въ правѣ прибѣгать къ „крайнему средству воздѣйствія", т.-е. къ изъятію ихъ изъ среды православной паствы и ссылкѣ въ тюрьму Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря. И хотя „средство" это самимъ епархіальнымъ начальствомъ признается „крайнимъ", тѣмъ не менѣе оно ни мало не стѣсняется этимъ обстоятельствомъ и видимо считаетъ подобное средство не только необходимымъ въ борьбѣ съ еретиками и пропагандистами, но и вполнѣ цѣлесообразнымъ и дѣйствительнымъ. Въ виду этого, а также вслѣдствіе того, что понятія объ еретичествѣ и пропагандѣ, конечно, слишкомъ условны, растяжимы и неопредѣленны — нельзя не пожалѣть о томъ, что самарское епархіальное начальство не сочло нужнымъ хотя отчасти пояснить: кого собственно считаетъ оно „еретиками" и „пропагандистами" и какъ именно опредѣляется та „зловредность" ихъ, которая, по его убѣжденію, должна караться не иначе какъ монастырской тюрьмой?

Переходя затѣмъ къ отдѣльному частному случаю, по поводу котораго епархіальное начальство нашло нужнымъ высказать свой принципіальный взглядъ на монастырскія заточенія, — именно къ ссылкѣ въ Суздальскую тюрьму Ермолая Федосѣева—нельзя не выразить крайняго недоумѣнія относительно мотивировки обвиненія въ тѣхъ преступленіяхъ, за которыя Федосѣевъ былъ обреченъ на заточеніе въ монастырскую тюрьму.

Самарское епархіальное начальство въ своемъ отчетѣ старается увѣрить, что оно было „вынуждено"

примѣнить къ Федосѣеву крайнюю мѣру, т.-е. ссылку въ Суздаль, вслѣдствіе того, что онъ „жилъ въ пещерѣ и своей лицемѣрной праведностью привлекалъ къ себѣ массы простого народа“ *).

Изъ этого мы въ правѣ заключить, что въ лицѣ Федосѣева мы видимъ даже не „еретика“, не „пропагандиста“, не „сектанта“, а просто мистика, религіозно настроеннаго человѣка, который, по примѣру святыхъ прежняго времени, предпочиталъ жить въ пещерѣ и такимъ путемъ спасать свою душу. Будь Федосѣевъ сектантомъ или еретикомъ, и особенно „зловреднымъ“ и „нераскаяннымъ“, отчетъ, разумѣется, не преминулъ бы подчеркнуть это обстоятельство, поставить его на видъ.

Такимъ образомъ, всѣ „преступленія“ Федосѣева предъ церковью и государствомъ состоятъ лишь въ томъ, что онъ во 1-хъ, жилъ въ пещерѣ и, во 2-хъ, привлекалъ къ себѣ массы народа своей лицемѣрной праведностью. Нужно ли говорить о томъ, что оба эти „преступленія“ ровно ничего преступнаго въ себѣ не заключаютъ и ни подъ одну изъ статей дѣйствующихъ у насъ уголовныхъ законовъ подведены быть не могутъ? Какъ глубоко ни вкоренилась у насъ въ Россіи система опеки и строгой регламентаціи особенно по отношенію нашего крестьянства, захвативъ область не только общественной, но и частной жизни, тѣмъ не менѣе, однако, и у насъ

---

*) *Примѣчаніе цензора іеромонаха Александра.* Если самарское епархіальное начальство дало такую аттестацію Федосѣева, то, очевидно, оно имѣло какія-либо серьезныя основанія для таковой аттестаціи.

жить въ пещерѣ, напримѣръ, никому не возбраняется, точно такъ же не возбраняется и „привлекать къ себѣ народъ праведностью“.

Въ данномъ случаѣ виновность Федосѣева, какъ видно изъ отчета епархіальнаго начальства, главнымъ образомъ аргументировалась тѣмъ, что „праведность“, благодаря которой онъ привлекалъ къ себѣ „массы народа“, была кѣмъ-то признана „лицемѣрной“. Но такъ какъ при этомъ отчетъ не приводитъ ни одного доказательства въ подтвержденіе лицемѣрія Федосѣева и даже не указываетъ, кто были тѣ судьи и эксперты, которымъ дано безошибочно читать въ сердцахъ, то понятно, что подобное обвиненіе является совершенно голословнымъ и отнюдь не убѣдительнымъ.

Но если даже и согласиться со взглядами Самарскаго епархіальнаго начальства и признать, что праведность Федосѣева была дѣйствительно лицемѣрна, то все-таки совершенно невольно является вопросъ: съ какихъ же поръ лицемѣріе и „лицемѣрная праведность“ становятся тяжкимъ уголовнымъ преступленіемъ и притомъ такимъ, которое должно быть наказано строгимъ и многолѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ?....

Безспорно, разумѣется, что лицемѣріе и ханжество являются наиболѣе крупными, наиболѣе отталкивающими пороками среди другихъ недостатковъ нравственной природы человѣка. Типъ лицемѣра и ханжи, типъ Тартюфа всегда и вездѣ возбуждалъ вполнѣ справедливое и законное чувство негодованія, но нигдѣ, никогда и никто — даже во времена святой инквизиціи—не рѣшался рекомендовать наказывать и исправлять людей этого типа тюрьмой и казематомъ.

Затѣмъ — отчетъ епархіальнаго начальства ни одного слова не говоритъ о томъ: по чьей инициативѣ возбуждено было дѣло о Федосѣевѣ? Было ли произведено о дѣйствіяхъ его разслѣдованіе? И если было, то кѣмъ именно: мѣстнымъ священникомъ, миссіонеромъ, членомъ духовной консисторіи или же представителемъ административной или судебной власти? Привлекался ли Федосѣевъ за свои дѣйствія къ судебной отвѣтственности, или же дѣло ограничилось однимъ рѣшеніемъ духовныхъ властей?

Далѣе, мы не знаемъ: была ли предоставлена Федосѣеву возможность оправдаться отъ возведенныхъ на него обвиненій? И, наконецъ, прежде чѣмъ приговорить Федосѣева къ одному изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній и обречь его на заточеніе въ монастырской тюрьмѣ, были ли испробованы надъ нимъ тѣ мѣры и средства воздѣйствія, которыя въ подобныхъ случаяхъ обязательны для духовныхъ властей?

На всѣ эти вопросы въ отчетѣ епархіальнаго начальства мы не находимъ никакихъ указаній, никакихъ разъясненій.

При такомъ положеніи дѣла нельзя не выразить глубокаго сожалѣнія, во-первыхъ, о томъ, что самарскія духовныя власти нашли возможнымъ возбудить ходатайство о заточеніи Федосѣева въ Суздальскую крѣпость рѣшительно безъ всякихъ сколько-нибудь серьезныхъ основаній для этого, а, во-вторыхъ, и еще болѣе о томъ, что подобное ходатайство встрѣтило сочувствіе въ высшихъ духовныхъ сферахъ и получило удовлетвореніе.

Какъ бы то ни было, но въ результатѣ предъ нами фактъ поистинѣ поразительный, почти невѣроятный: человѣкъ, въ дѣйствіяхъ котораго не было

даже состава преступленія, вотъ уже пятый годъ сидитъ въ одиночномъ тюремномъ заключеніи, и сколько времени придется ему просидѣть — еще никому неизвѣстно, такъ какъ мы уже видѣли, что въ монастырскія тюрьмы у насъ всегда попадаютъ люди безъ опредѣленія срока. Мы видѣли также, какъ часто подобное заключеніе продолжается цѣлые десятки лѣтъ и даже становится пожизненнымъ...

III.

Третій примѣръ.

Въ томъ же офиціальномъ отчетѣ о состояніи сектантства въ Самарской епархіи за 1900 годъ, изъ котораго мы заимствовали только-что приведенныя нами свѣдѣнія о ссылкѣ и заточеніи Федосѣева, находимъ сообщеніе о другомъ случаѣ заточенія въ Суздальскую монастырскую тюрьму. Оказывается, что въ эту тюрьму и около того же самаго времени былъ заключенъ крестьянинъ Самарской губерніи Иванъ Чуриковъ, вся вина котораго, судя по отчету, состояла лишь въ томъ, что онъ „выдавалъ себя за цѣлителя и чудотворца и тѣмъ эксплоатировалъ религіозное чувство простецовъ“.

Такимъ образомъ, и на этотъ разъ монастырскому заточенію подвергается не „зловредный еретикъ“, не „пропагандистъ“ опаснаго ученія и не сектантъ, принадлежащій къ какой-либо изувѣрской сектѣ, а человѣкъ, по мнѣнію самого епархіальнаго начальства, виновный лишь въ томъ, что онъ эксплоатировалъ религіозное чувство простого народа. Конечно, опять таки, нельзя не пожалѣть, что самарскія духовныя власти не нашли нужнымъ сколько-нибудь обосно-

вать и подкрѣпить фактами обвиненіе, выставленное ими противъ Чурикова. Однако, допустимъ, что обвиненіе это вполнѣ справедливо и что Чуриковъ дѣйствительно выдавалъ себя за чудотворца и дѣйствительно виновенъ въ эксплоатаціи религіознаго чувства простого народа. Но вѣдь въ такомъ случаѣ въ его дѣйствіяхъ неизбѣжно должны были проявляться и обманъ, и, быть-можетъ, даже мошенничество,—словомъ, такіе проступки и преступленія, которые вполнѣ точно предусмотрѣны нашими законами и наказываются достаточно строго.

Слѣдовательно, при доказанности обвиненія, взведеннаго на Чурикова самарскимъ епархіальнымъ начальствомъ, онъ неминуемо долженъ былъ понести извѣстное, опредѣленное наказаніе отъ подлежащаго гражданскаго суда, который, внѣ всякаго сомнѣнія, сумѣлъ бы въ должной степени покарать виновнаго за его преступную дѣятельность и предохранить отъ нея населеніе. Но самарскія духовныя власти этотъ прямой и законный путь нашли почему-то неудобнымъ и предпочли расправиться съ Чуриковымъ въ административномъ порядкѣ, возбудивъ ходатайство о заточеніи его въ монастырскую тюрьму. Вѣроятно, ходатайство это было уважено, такъ какъ вскорѣ же Чуриковъ безъ всякаго суда и даже слѣдствія лишается свободы и запирается въ одиночную тюрьму Суздальской крѣпости... За что? на долго ли? — никому и ничего неизвѣстно.

Случай съ Чуриковымъ, а также только-что приведенные нами случаи съ Раховымъ и Федосѣевымъ наглядно показываютъ, что и въ наши дни весьма не трудно попасть въ монастырскую тюрьму. Изъ того же, что сообщалось нами въ предыдущихъ

статьяхъ, читатели, безъ сомнѣнія, пришли уже къ убѣжденію, что насколько легко у насъ попасть въ монастырскую тюрьму, настолько же трудно освободиться изъ нея. Къ счастію Чурикова, у него нашлись покровители изъ лицъ, имѣющихъ связи и вліяніе въ извѣстныхъ сферахъ, благодаря чему ему совершенно неожиданно вскорѣ же удалось освободиться изъ Суздальской крѣпости.

Но такой развязкой остались весьма недовольны самарскія духовныя власти. Отчетъ епархіальнаго начальства, сообщая, что въ истекшемъ 1900 году Чурикову „какимъ-то образомъ удалось освободиться изъ заточенія", видимо, относится крайне неодобрительно къ такой мѣрѣ, т.-е. къ освобожденію Чурикова „изъ заточенія", и въ доказательство того, насколько была пагубна подобная мѣра, приводитъ слѣдующія свѣдѣнія о дальнѣйшей жизни и дѣятельности Чурикова.

„Свободой своей, — говоритъ отчетъ, — Чуриковъ воспользовался для стяжанія себѣ еще большаго авторитета, объясняя свое освобожденіе не дѣломъ милости начальства, а признаніемъ будто бы его невинности (невиновности?) и правоты его ученія *).

---

*) *Примѣчаніе цензора іеромонаха Александра.* За послѣднее время многіе изъ петербуржцевъ начинаютъ смотрѣть на Чурикова уже не съ такой большой симпатіей, какъ это было прежде. Причина сей перемѣны заключается въ томъ, что личность Чурикова все болѣе и болѣе обрисовывается... Поводъ къ этому подаетъ и самъ Чуриковъ своими странными поступками. Напр., на фотографическихъ карточкахъ онъ изображенъ съ большимъ крестомъ на груди, наподобіе священническаго; въ квартирѣ у него бывали какія-то „собранія", гдѣ онъ приходящихъ „помазывалъ елеемъ". Правда, Чуриковъ говорилъ, что такое помазаніе онъ дѣлаетъ не какъ священникъ, а „по братолюбію", но почему же Чуриковъ свое „брато-

Теперь онъ проживаетъ въ Петербургѣ и имѣетъ сотни поклонниковъ, которые вполнѣ обезпечили его существованіе и сняли для него цѣлый роскошно обставленный домъ".

Случай съ Чуриковымъ заслуживаетъ особеннаго вниманія главнымъ образомъ потому, что заточеніе его въ монастырскую тюрьму,—какъ увѣряютъ,—состоялось безъ Высочайшей санкціи. Мало этого, настойчивые слухи утверждаютъ, что относительно заточенія Чурикова въ Суздальскій монастырь не было даже постановленія Св. Синода, и что будто бы все дѣло ограничилось тѣмъ, что самарская духовная консисторія, признавая дѣятельность Чурикова вредной, сдѣлала предписаніе полиціи объ отправкѣ его въ Суздальскую тюрьму, что и было исполнено съ точностью, заслуживающей лучшаго примѣненія.

Вообще вслѣдствіе тайны, скрывающей обыкновенно все, что касается до монастырскихъ заточеній, какъ въ обществѣ, такъ и въ народѣ распространено множество разнаго рода слуховъ и толковъ, иногда, можетъ-быть, крайне преувеличенныхъ и даже совершенно не соотвѣтствующихъ истинѣ, которые тѣмъ не менѣе получаютъ широкое рас-

---

любіе" проявлялъ въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя являются привилегіей только священниковъ?! Есть не мало и другихъ „странностей" въ обстановкѣ жизни и дѣйствіяхъ Чурикова,—странностей, весьма способныхъ смутить чувство православнаго христіанина. Желающихъ поближе ознакомиться съ этими „странностями" отсылаемъ къ майской книжкѣ журнала „Православный Путеводитель" (1904 г.), гдѣ находится обстоятельная корреспонденція касательно „братца Иванушки", какъ обычно именуютъ Чурикова. Значитъ, нельзя считать Чурикова абсолютно невиннымъ и въ разсужденіи тѣхъ причинъ, какія породили его перемѣщеніе изъ Самарской губерніи...

пространеніе, внося тревогу и смущеніе въ умы многихъ людей. Въ виду этого нельзя не пожелать появленія офиціальнаго сообщенія, которое положило бы конецъ всѣмъ подобнымъ, нерѣдко совершенно фантастическимъ слухамъ, указавъ точныя цифры и приведя имена всѣхъ лицъ, подвергшихся этой суровой карѣ, а также причины, вызвавшія необходимость ея примѣненія.

IV.

Мы остановили вниманіе читателей на первыхъ попавшихся подъ руку случаяхъ заточенія въ монастырскія тюрьмы, имѣвшихъ мѣсто въ самое последнее время. Но подобнаго рода примѣровъ можно было бы привести здѣсь очень много. Хотя въ нашу повседневную печать лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ проникаютъ извѣстія и притомъ—всегда краткія и отрывочныя,—о ссылкѣ и заточеніи въ монастырь того или другого лица, тѣмъ не менѣе, внимательно слѣдя за хроникой религіозной жизни Россіи по разнымъ источникамъ, можно установить цѣлый рядъ подобныхъ случаевъ.

Такъ недавно въ газетахъ проскользнуло извѣстіе, что лѣтомъ 1901 года въ Подольской губерніи былъ слѣдующій случай. На священника Шандровскаго пало подозрѣніе, что онъ благоволитъ штундѣ. Говорили даже, что онъ будто бы оставилъ православіе и открыто присоединился къ штундѣ. Его вызываютъ въ губернскій городъ, арестуютъ тамъ, и вслѣдъ затѣмъ онъ безслѣдно куда-то исчезаетъ. Спустя нѣкоторое время сдѣлалось извѣстно, что онъ заточенъ въ одинъ изъ монастырей.

Насколько точно это сообщеніе намъ, къ сожалѣнію, не извѣстно. Но если случай перехода православнаго священника въ штунду дѣйствительно имѣлъ мѣсто, то вполнѣ понятно, что духовныя власти не могли, конечно, не обратить серьезнаго вниманія на этотъ фактъ. Жаль только, что случай этотъ получилъ разрѣшеніе въ административномъ порядкѣ и что все дѣло опять-таки было облечено строгой тайной.

Итакъ, священникъ Шандровскій попалъ въ монастырское заточеніе за отпаденіе отъ православія и переходъ въ штунду. Съ точки зрѣнія русскаго уголовнаго, а тѣмъ болѣе церковнаго права, подобныя дѣйствія не могутъ не считаться, конечно, тяжкими и значительными преступленіями. Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что далеко не всегда священники попадаютъ въ монастырскія тюрьмы за явную, серьезную и несомнѣнную вину. Нерѣдки случаи, когда и теперь монастырскимъ заточеніемъ наказываются не преступленія и даже не проступки духовныхъ лицъ, а лишь взгляды и мнѣнія ихъ по тѣмъ или инымъ вопросамъ вѣры и церковнаго управленія. Для примѣра укажемъ на священника Тамбовской губерніи Гер. Ив. Цвѣткова, о которомъ мы уже упоминали въ одной изъ своихъ предыдущихъ статей. Священникъ Цвѣтковъ лѣтомъ 1901 года „высшимъ духовнымъ начальствомъ“ былъ осужденъ на заточеніе въ Суздальскую монастырскую тюрьму, куда и былъ тогда же отправленъ подъ полицейскимъ конвоемъ.

По сообщенію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ „причиною, вызвавшею примѣненіе къ о. Цвѣткову такой суровой кары, были нѣкоторые его взгляды, несогласные съ тѣми, которые считаются господству-

ющими въ нашемъ духовенствѣ. Такъ, напримѣръ, о. Цвѣтковъ осуждалъ подчиненіе церкви свѣтской власти въ лицѣ оберъ-прокурора Св. Синода, признавалъ необходимость скорѣйшаго созыва вселенскаго собора для разрѣшенія многихъ назрѣвшихъ вопросовъ въ православной церкви и отвергалъ авторитетъ Св. Синода. Въ этомъ смыслѣ онъ неоднократно подавалъ докладныя записки оберъ-прокурору Св. Синода и многимъ высшимъ іерархамъ русской церкви, послѣдствіемъ чего и было осужденіе о. Цвѣткова на строгое содержаніе въ монастырѣ „впредь до раскаянія и исправленія“ *).

Вотъ почти уже три года о. Цвѣтковъ сидитъ въ тюремной кельѣ Суздальской крѣпости, и ему придется сидѣть тамъ до тѣхъ поръ, пока настоятель монастыря, а затѣмъ и высшее духовное начальство не убѣдятся въ томъ, что онъ наконецъ исправился, т.-е. раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ и призналъ свои взгляды и убѣжденія ложными и превратными. Но когда это случится и случится ли когда-нибудь— никто, разумѣется, сказать не можетъ, а потому очень возможно, что о. Цвѣткову придется еще долгіе-долгіе годы томиться въ строжайшемъ заключеніи, очень возможно, что онъ такъ и не дождется той минуты, когда предъ нимъ раскроются наконецъ ворота Суздальской тюрьмы.

По этому поводу невольно вспоминается случай аналогичнаго характера изъ далекаго прошлаго. Это было ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ. Въ царствованіе Петра Перваго канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ отправила въ Соловецкій монастырь въ

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1901 г.

заточеніе якутскаго служилаго человѣка, Андрея Сургучова, вина котораго состояла въ томъ, что онъ отрицалъ Синодъ и заявлялъ, что онъ до тѣхъ поръ не будетъ ходить въ церковь, „пока не будетъ уничтоженъ Синодъ и пока не перестанутъ поминать его на ектеніяхъ“. За эту продерзость и вольнодумство Сургучовъ былъ арестованъ и подвергнутъ допросу, при чемъ, по обычаю того времени, его пытали и „жгли огнемъ“, но такъ какъ онъ и съ „розыска съ огня стоялъ на своемъ упрямствѣ“, то поэтому и былъ отправленъ въ Соловецкую тюрьму.

Со времени этого происшествія прошли цѣлые два вѣка. За это время въ нашей общественной жизни многое, конечно, измѣнилось къ лучшему: исчезли пытки, не жгутъ болѣе огнемъ на допросахъ и т. д.; но за рѣшимость высказать свое убѣжденіе и теперь, какъ 200 лѣтъ тому назадъ, сажаютъ въ мрачный казематъ монастырской тюрьмы. Какъ видите, прогрессъ, достигнутый нами за цѣлыя два столѣтія, едва ли можетъ считаться особенно значительнымъ *).

Кромѣ священника Цвѣткова, въ Суздальской монастырской тюрьмѣ въ настоящее время сидятъ еще

---

*) *Примѣчаніе цензора іеромонаха Александра.* Въ словахъ автора находится нѣкоторое недоразумѣніе. Наказываютъ у насъ не за взгляды и не за убѣжденія, а за такое „публичное оказательство“ этихъ взглядовъ, которое соединяется съ тѣмъ или инымъ правонарушеніемъ, а посему и подлежитъ юридическому возмездію наравнѣ со всякимъ преступленіемъ. Насколько видно даже изъ самой газеты (С.-Петерб. Вѣдом. 1901 г.), священникъ Цвѣтковъ „претерпѣлъ“ заключеніе не за свои личные взгляды и мнѣнія, а за рѣзкое обнаруженіе этихъ взглядовъ (несогласныхъ съ нашимъ законодательствомъ) во внѣ; само собой понятно, такое обнаруженіе, если бы оно осталось „безъ послѣдствій“, превратилось бы въ удобную почву для роста соблазна.

два священника: Петръ Рудаковъ и Гавріилъ Александровичъ Синцоровъ, а также одинъ монахъ-іеродіаконъ Пименъ. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны причины, которыя привели ихъ въ тюрьму.

Затѣмъ еще недавно въ той же самой тюрьмѣ сидѣли: священникъ Нижегородской губерніи Алексѣй Евграфовичъ Зерчаниновъ, священникъ Петръ Ѳеодоровичъ Золотницкій и др. Послѣдній за переходъ къ старообрядцамъ бѣглопоповцамъ просидѣлъ въ Суздальской крѣпости около 32-хъ лѣтъ, а именно, съ 23 декабря 1865 года по 3 апрѣля 1897 года. Понятно, что столь долгое одиночное заключеніе не могло не отразиться на немъ самымъ печальнымъ образомъ: онъ заболѣлъ психическимъ разстройствомъ, которое съ годами подъ вліяніемъ тюремной обстановки росло все болѣе и болѣе, и когда, наконецъ, его выпустили изъ тюрьмы, по ходатайству родственниковъ на ихъ поруки,—то это былъ уже жалкій, безнадежно больной человѣкъ, не отдающій себѣ отчета въ томъ, что происходитъ съ нимъ и вокругъ него.

V.

Но какъ въ прежнія времена, такъ и теперь, въ началѣ XX вѣка, въ наши дни, монастырскому заточенію чаще всего подвергаются лица, извѣстныя у насъ подъ именемъ „сектантовъ“ и „еретиковъ“. О томъ, какъ злоупотребляютъ у насъ этими терминами, мы уже имѣли случай говорить въ одной изъ своихъ прежнихъ статей *), а потому считаемъ себя въ правѣ не распространяться здѣсь на эту тему.

---

*) „Религіозные отщепенцы“, выпускъ 2-й. Сбп. 1904 г. „Бѣлоризцы“.

Укажемъ здѣсь хотя нѣсколько примѣровъ заключенія въ монастырскія тюрьмы сектантовъ и еретиковъ въ ближайшіе къ намъ годы. Изъ отчета г. оберъ-прокурора Св. Синода за 1898 годъ, между прочимъ, узнаемъ о ссылкѣ и заточеніи въ Суздальскій монастырь крестьянина Ахтырскаго уѣзда Харьковской губерніи, Василія Подгорнаго, за распространеніе особой секты хлыстовскаго характера. Дѣятельность Подгорнаго обратила на себя вниманіе мѣстныхъ духовныхъ властей, которыя и не замедлили возбудить противъ него преслѣдованіе.

По словамъ отчета, произведеннымъ, по порученію харьковскаго епархіальнаго начальства, слѣдствіемъ „Подгорный былъ изобличенъ въ крайне предосудительныхъ поступкахъ: подъ личиною внѣшняго благочестія, онъ распространялъ въ средѣ темныхъ и легковѣрныхъ людей лжеученіе, подрывающее коренныя основы семейной жизни, уваженіе къ святой церкви, ея священнодѣйствіямъ, таинствамъ и къ совершителямъ ихъ — православнымъ пастырямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ самъ онъ велъ жизнь безнравственную, погрязая въ необузданно-грубомъ чувственномъ развратѣ, для каковой цѣли собиралъ женщинъ и дѣвицъ въ общежитіе подъ предлогомъ богоугодныхъ цѣлей и, пользуясь ихъ довѣріемъ, растлѣвалъ и насиловалъ ихъ, не стѣсняясь никакимъ возрастомъ. Въ виду этого въ 1892 г. Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ помѣстить Подгорнаго въ арестантское отдѣленіе Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря, впредь до усмотрѣнія его раскаянія и исправленія“ *).

Такимъ образомъ и въ настоящемъ случаѣ зато-

*) „Миссіонерское обозрѣніе“, 1901 г., майская книжка.

ченіе въ монастырскую тюрьму состоялось безъ всякаго суда, на основаніи одного лишь слѣдствія, „произведеннаго по порученію харьковскаго епархіальнаго начальства". Какъ извѣстно, подобнаго рода порученія обыкновенно возлагаются на одного изъ членовъ духовной консисторіи,—чаще всего мѣстнаго соборнаго протоіерея или же на епархіальнаго миссіонера. Не касаясь вопроса о томъ, насколько эти лица могутъ считаться безпристрастными и компетентными слѣдователями и судьями въ вопросахъ, имѣющихъ несомнѣнно юридическій характеръ *), нельзя не выразить удивленія, что, приписавъ Подгорному совершеніе такихъ преступныхъ дѣйствій, какъ систематическое „растлѣніе и насилованіе женщинъ и дѣвицъ", духовные слѣдователи въ то же время не нашли почему-то нужнымъ привлечь его къ судебной отвѣтственности за эти преступленія.

Заключенный въ Суздальскую тюрьму, Подгорный пробылъ въ ней почти цѣлые десять лѣтъ, при чемъ, какъ констатировали отчеты г. оберъ-прокурора Св. Синода, не только не обнаружилъ раскаянія, но, наоборотъ, сидя въ тюрьмѣ, — „продолжалъ оказывать вредное вліяніе" на своихъ многочисленныхъ послѣдователей путемъ тайной переписки съ ними.

Тѣмъ не менѣе однако, когда въ прошломъ 1903 г. мнѣ пришлось посѣтить Суздальскій монастырь, то я нашелъ Подгорнаго уже не въ тюрьмѣ, а въ монастырской кельѣ, гдѣ онъ жилъ не въ качествѣ

---

*) *Примѣчаніе цензора іеромонаха Александра.* Во всякомъ случаѣ, касательно юридическаго характера преступленій *противъ вѣры и церкви* духовныя лица компетентны не менѣе патентованныхъ юристовъ изъ свѣтской интеллигенціи.

арестанта или ссыльнаго, а какъ монахъ, принявшій постриженіе и зачисленный въ число братіи Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря. Столь рѣзкая метаморфоза произошла, какъ мнѣ объяснили, вслѣдствіе того, что настоятель этого монастыря, архимандритъ Серафимъ (бывшій артиллерійскій полковникъ Чичаговъ), сойдясь съ Подгорнымъ, лично убѣдился въ его полной невиновности въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя были приписаны ему харьковскими духовными властями. Если это справедливо, то невольно является вопросъ: за что же Василій Подгорный просидѣлъ цѣлые десять лѣтъ въ одиночномъ заключеніи монастырскаго каземата?...

Изъ другихъ сектантовъ, и сейчасъ томящихся въ Суздальской тюрьмѣ, упомянемъ о четырехъ крестьянахъ Саратовской губерніи, заточенныхъ въ эту тюрьму за распространеніе секты енохонцевъ. Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ сидятъ эти люди въ строгомъ одиночномъ заключеніи. Двое изъ нихъ не вынесли столь продолжительнаго заключенія и сошли съ ума. Однако и это обстоятельство не вызвало улучшенія въ ихъ положеніи, напротивъ, оно скорѣе содѣйствовало еще большему отягощенію ихъ и безъ того въ высшей степени печальнаго положенія. Вслѣдствіе припадковъ буйнаго помѣшательства, которымъ они иногда подвергаются, ихъ теперь и день и ночь держатъ взаперти, не выпуская даже въ коридоръ и на крохотный тюремный дворъ, для прогулки, — чѣмъ обыкновенно пользуются всѣ остальные арестанты монастырской тюрьмы... Неужели, наконецъ, хотя сумасшествіе не избавитъ этихъ несчастныхъ отъ дальнѣйшаго тюремнаго заключенія?..

VI.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что иниціатива въ дѣлѣ заключенія въ монастырскія тюрьмы лицъ, заподозрѣнныхъ въ отступленіи отъ церкви или еретичествѣ, почти всегда принадлежитъ мѣстнымъ духовнымъ властямъ. Нѣкоторые изъ епархіальныхъ начальствъ особенно охотно прибѣгаютъ къ ссылкѣ и заточенію въ монастыри, ни мало, повидимому, не смущаясь экстраординарностью и жестокостью этой мѣры наказанія.

Затѣмъ изъ тѣхъ же самыхъ примѣровъ видно, что и теперь, какъ въ прежнее время, заключеніе въ монастырскія тюрьмы примѣняется всегда въ административномъ порядкѣ, безъ суда и слѣдствія или же— какъ было, напримѣръ, съ Раховымъ—вопреки рѣшенію суда. Но если примѣненіе административной расправы, административнаго усмотрѣнія глубоко задѣваетъ человѣческое чувство въ сферѣ общественной и политической, то что сказать о тѣхъ случаяхъ, когда подобнаго рода расправа примѣняется въ самой интимной области человѣческаго духа—въ области религіозныхъ вѣрованій и этическихъ убѣжденій людей *).

---

*) *Примѣчаніе цензора іеромонаха Александра.* Административныя взысканія примѣняются не за интимную сторону религіозныхъ убѣжденій, а за преступленія противъ вѣры и церкви, говоря иначе,— когда неправильное религіозное воззрѣніе отражается во внѣ нарушеніемъ законности и порядка. Лѣтописи нашихъ миссіонерскихъ журналовъ и свѣтскихъ газетъ за послѣдніе годы могутъ представить не мало фактовъ крупныхъ безчинствъ, разгромовъ и вопіющихъ насилій, произведенныхъ сектантами надъ православными. Такіе при-

Въ интересахъ самой церкви необходимо пожелать, чтобы возможно скорѣе былъ положенъ конецъ „монастырскимъ заточеніямъ“, — этой невозможной аномаліи, уцѣлѣвшей отъ далекой эпохи инквизиціонныхъ гоненій, пытокъ и нетерпимости. Въ интересахъ церкви необходимо отъ всей души пожелать, чтобы монастыри, эти „обители мира, любви и прощенія“, перестали, наконецъ, играть роль остроговъ и тюремъ, чтобы съ монаховъ сняты были, нако-

---

скорбные инциденты имѣютъ своимъ корнемъ не только тьму, объемлющую умы сектантовъ, но иногда и *слабость административныхъ мѣропріятій*.

Господь Іисусъ Христосъ не ограничился однимъ обличеніемъ торгующихъ во храмѣ, но изгналъ ихъ изъ храма бичомъ, разсыпалъ деньги у мѣновщиковъ и столы ихъ опрокинулъ (Іоан. 2, 15). Предсказывая Іерусалиму ужасную катастрофу, какая его постигнетъ, Онъ указывалъ на тѣсную связь преступленія съ наказаніемъ. Наказаніе, имѣющее постигнуть Іерусалимъ, является неизбѣжнымъ постулатомъ, вытекающимъ изъ его нравственнаго растлѣнія, подобно тому, какъ на гніющій трупъ стекаются орлы (Мѳ. 24, 28), подобно тому, какъ теплота весеннихъ лучей вызываетъ расцвѣтъ смоковницы и, обратно, по цвѣтущей смоковницѣ можно судить о наступленіи лѣта (Мѳ. 24, 32). Всякое безнаказанное преступленіе предъ совѣстью, этимъ духовнымъ окомъ человѣка, является чѣмъ-то ненормальнымъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ сказать это о преступленіяхъ противъ вѣры и церкви.

Такъ какъ разгромы и безчинства, устрояемые сектантами, возникаютъ часто вслѣдствіе слабости административныхъ мѣропріятій въ отношеніи къ прошлой жизни безчинствующихъ, то это обстоятельство на представителей власти налагаетъ обязанность заблаговременно пресѣкать и малѣйшія попытки сектантовъ къ публичному оказательству своихъ заблужденій и совращенію православныхъ. Предупреждая малое, можно предотвратить и тѣсно связанное съ нимъ крупное. Во всякомъ случаѣ, должна существовать какая-либо сдерживающая узда для сектантскихъ поползновеній и религіозныхъ „шатаній“.

нецъ, несвойственныя ихъ сану мрачныя обязанности тюремщиковъ.

Осуществить такое положеніе тѣмъ легче и удобоисполнимѣе, что это не повлекло бы за собою даже какихъ-нибудь измѣненій въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ, такъ какъ въ немъ, какъ извѣстно, совсѣмъ не встрѣчается никакихъ правилъ и даже никакихъ указаній относительно монастырскихъ тюремъ, а также порядка заключенія въ нихъ. Правда, 5-я статья „Устава о содержащихся подъ стражею" гласитъ: „лица гражданскаго вѣдомства въ нѣкоторыхъ случаяхъ *присуждаются къ заключенію въ монастырь*. Порядокъ содержанія ихъ тамъ опредѣляется постановленіями церковными".

Но, во-первыхъ, очевидно, что здѣсь говорится о заключеніи въ монастырь *по суду*, а не по административному усмотрѣнію тѣхъ или иныхъ властей; а, во-вторыхъ, выраженіе „заключеніе въ монастырѣ" нельзя понимать въ смыслѣ заточенія въ монастырской тюрьмѣ. Вѣдь ссылка и заключеніе въ монастыри всегда существовали у насъ, независимо отъ заточенія въ монастырскія тюрьмы. Точно такъ же и теперь лица, ссылаемыя или заключаемыя въ монастыри, помѣщаются въ обыкновенныхъ монастырскихъ кельяхъ и пользуются извѣстной свободой, въ то время какъ лица, обреченныя на заключеніе въ монастырской тюрьмѣ, подвергаются всѣмъ строгостямъ и лишеніямъ тюремнаго режима.

Въ подтвержденіе этихъ соображеній я могъ бы привести множество примѣровъ, когда заключеніе въ монастырь того или другого лица *не сопровождалось* тюремнымъ заточеніемъ. Укажу хотя одинъ случай, имѣвшій мѣсто въ самое недавнее время. Случай

этотъ касается В. Е. Мельникова, противъ котораго возбуждено было уголовное преслѣдованіе по ст. 181, ч. 2 уложенія о наказан. *).

Дѣло это тянулось долгое время, при чемъ Мельниковъ содержался подъ стражей. Наконецъ, 27 февраля 1902 года, по докладу г. министра юстиціи, состоялось Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: „не доводя вновь дѣла мѣщанина г. Городни Василія Ефимова Мельникова, обвиняемаго по ст. 181 ч. 2 уложенія о наказ., до судебнаго разбирательства, уголовное преслѣдованіе его въ судебномъ порядкѣ дальнѣйшимъ производствомъ прекратить, съ отмѣною принятой противъ него, по опредѣленію Кіевской судебной палаты 13 апрѣля 1901 года мѣры пресѣченія ему способовъ уклоняться отъ суда-залога 15.000 руб. и 2) вмѣнивъ ему въ наказаніе долговременное состояніе подъ слѣдствіемъ и судомъ и содержаніе подъ стражею по сему дѣлу, подвергнуть, сверхъ того, названнаго Мельникова *заключенію* на одинъ годъ въ одинъ изъ православныхъ монастырей, по ближайшему распоряженію духовнаго начальства, съ подчиненіемъ его засимъ гласному надзору полиціи на пять лѣтъ въ избранномъ имъ мѣстѣ жительства, кромѣ столицъ и губерній: столичныхъ, Черниговской, Харьковской, а также ближайшихъ къ Румынскому королевству—Бессарабской, Таврической и Херсонской“.

Переданный въ распоряженіе духовнаго начальства, Мельниковъ былъ заключенъ въ Валаамскій

*) Мельниковъ обвинялся въ томъ, что онъ принималъ участіе въ изданіи газеты „Слово Правды“, выходившей въ 1896—1898 гг. за границей, въ Румыніи. Газета эта, какъ значится въ ея заголовкѣ, была „посвящена защитѣ старообрядчества“.

монастырь Олонецкой губерніи. Здѣсь онъ прожилъ назначенный ему срокъ заключенія въ обыкновенной монастырской кельѣ, безъ рѣшетокъ, замковъ и караульныхъ. Онъ могъ свободно ходить по всему монастырю, но не имѣлъ права удаляться за ограду монастыря. Сколько намъ извѣстно, въ Валаамскомъ монастырѣ даже совсѣмъ нѣтъ тюрьмы, хотя сюда, какъ въ прежнее время, такъ и теперь, нерѣдко ссылаются разныя лица въ „заключеніе“.

Мы уже упоминали, что если обратиться къ нашимъ законамъ съ цѣлью найти въ нихъ положенія, относящіяся до ссылки и заточенія въ монастырскихъ тюрьмахъ и условій содержанія въ нихъ, то наши поиски въ этомъ направленіи будутъ совершенно напрасны. Мало этого, во всемъ нашемъ уголовномъ законодательствѣ мы врядъ ли найдемъ хотя одно простое упоминаніе о монастырскихъ тюрьмахъ. Въ XIV томѣ свода законовъ, какъ извѣстно, перечислены всѣ мѣста заключенія, отъ арестныхъ помѣщеній до крѣпостей, но о монастырскихъ тюрьмахъ тамъ не упоминается ни однимъ словомъ. Между прочимъ въ томъ же томѣ мы находимъ даже „положеніе о Шлиссельбургской тюрьмѣ, назначенной для содержанія государственныхъ преступниковъ“, но ни о Соловецкой, ни о Суздальской, ни о другихъ монастырскихъ тюрьмахъ тамъ нѣтъ ни одного слова.

Хотя въ приведенной нами выше 5 статьѣ „Устава о содержащихся подъ стражей“ и сказано, что порядокъ содержанія въ монастыряхъ лицъ гражданскаго вѣдомства, заключенныхъ туда, „опредѣляется постановленіями церковными“, но, къ сожалѣнію, несмотря на всѣ наши старанія, намъ до сихъ поръ

не удалось разыскать этихъ постановленій. Поэтому мы едва ли ошибемся, если предположимъ, что упомянутыя „постановленія" составляютъ своего рода административный секретъ церковнаго вѣдомства и не подлежатъ оглашенію.

Такимъ образомъ и здѣсь мы опять встрѣчаемся съ проявленіемъ все той же нашей искони излюбленной административной системы, которая во что бы то ни стало стремится прикрыть свои дѣйствія глубокой, непроницаемой тайной. Выше мы уже отмѣчали, что подобная система не только не достигаетъ своей цѣли, а наоборотъ, всегда способствуетъ возникновенію и распространенію цѣлой массы самыхъ невозможныхъ, самыхъ невѣроятныхъ слуховъ, толковъ и разсказовъ, оставляющихъ далеко позади даже самую печальную дѣйствительность. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что тайна меньше всего можетъ способствовать успѣху той упорной борьбы, которая съ давнихъ поръ ведется русскимъ правительствомъ и церковью съ сектантствомъ, расколомъ-старообрядчествомъ и всевозможными разномысліями, возникающими на религіозно-этической и религіозно-соціальной почвѣ.

Ни для кого, конечно, не секретъ, что до сихъ поръ эта борьба совершенно не достигала своей цѣли, не имѣла никакого успѣха и совсѣмъ не принесла сколько-нибудь желательныхъ результатовъ. Главнѣйшею причиною этой неудачи, несомнѣнно, слѣдуетъ считать именно тотъ путь репрессій, преслѣдованій и стѣсненій всякаго рода, которымъ почти все время шла эта борьба.

Въ ряду этихъ репрессій ссылка и заключеніе въ монастырскія тюрьмы является наиболѣе жестокой,

наиболѣе несправедливой и въ то же время — какъ показываетъ многовѣковая исторія монастырскихъ заточеній—совершенно безполезной мѣрой.

Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ одной изъ своихъ статей, въ которыхъ мы настаивали на необходимости возможно скорѣйшаго упраздненія монастырскихъ тюремъ, мы, между прочимъ, писали: „Будемъ вѣрить, что всѣ томящіеся теперь въ монастырскихъ тюрьмахъ своеобразные искатели истины и правой вѣры не будутъ обречены на медленную, мучительную смерть въ своихъ казематахъ, не зачахнутъ, не умрутъ одиноко среди могильной тишины тюремныхъ келій и не будутъ доведены до сумасшествія, подобно тысячамъ своихъ предшественниковъ. Будемъ вѣрить, что отнынѣ двери монастырскихъ казематовъ никогда уже не откроются болѣе для того, чтобы поглотить и схоронить въ своихъ стѣнахъ новую жертву, новыхъ „еретиковъ“, вся вина которыхъ обыкновенно состоитъ лишь въ томъ, что они болѣе горячо, болѣе страстно принимаютъ къ сердцу вопросы религіи и этики, чѣмъ мы, холодные разсудительные люди“ *).

Къ сожалѣнію, жизнь, дѣйствительность не оправдали этихъ — смѣемъ думать — вполнѣ законныхъ и скромныхъ надеждъ. Правда, около того времени, къ которому относятся упомянутыя статьи, состоялось освобожденіе нѣсколькихъ лицъ, долгіе годы томившихся въ монастырскихъ тюрьмахъ **), но, оче-

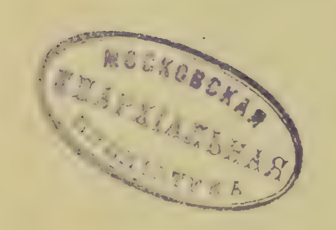
*) „Русская Мысль“, 1881 года, № 11, стр. 253. „Соловецкіе узники“.

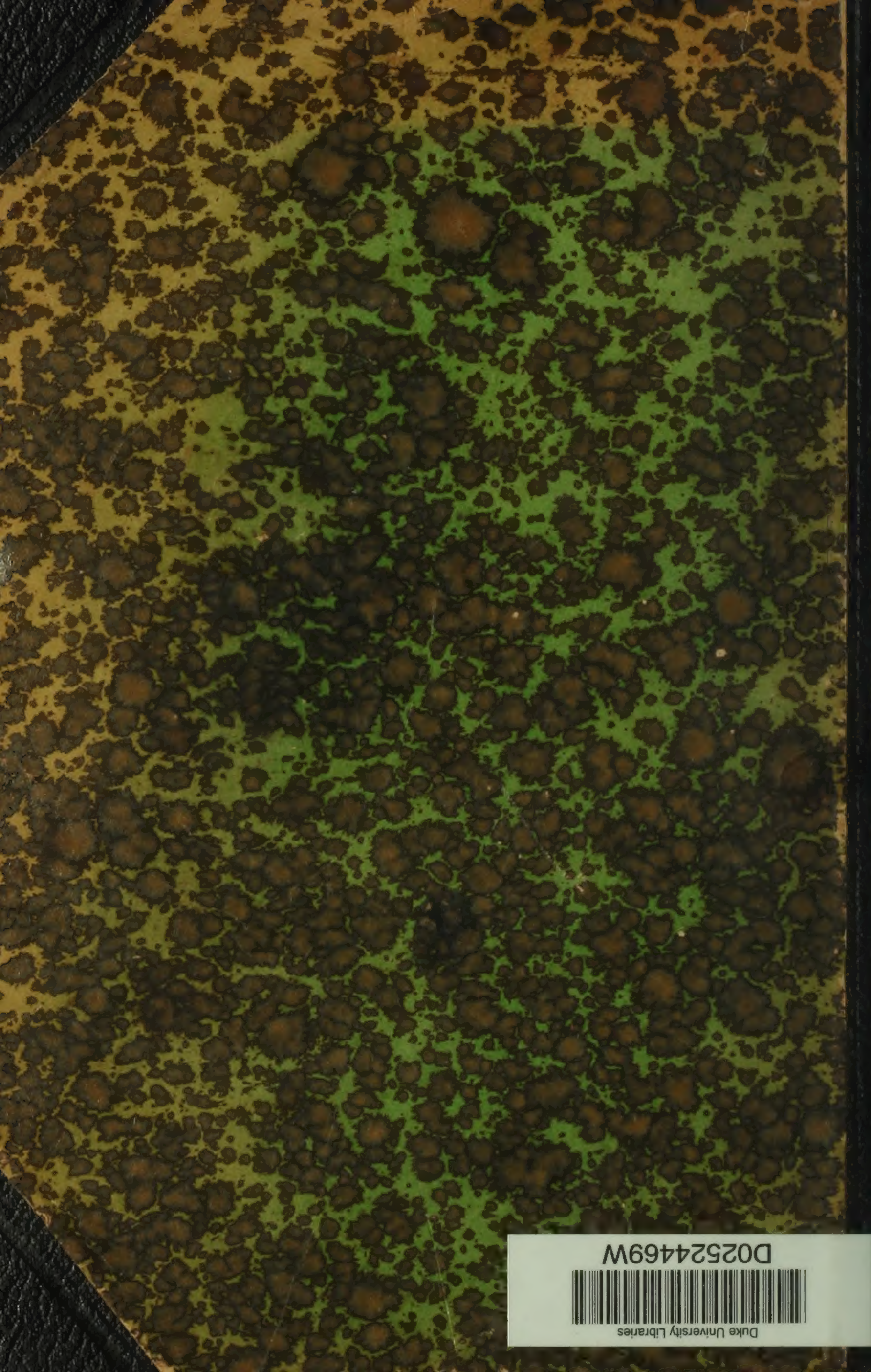
**) Такъ, изъ Суздальской монастырской тюрьмы были освобождены старообрядческіе епископы: Аркадій, Кононъ и Геннадій, а изъ Соловецкой — извѣстный мистикъ — Адріанъ Пушкинъ и государственный преступникъ Матвѣй Григорьевъ.

видно, это было сдѣлано какъ бы въ видѣ особаго исключенія, такъ какъ вскорѣ же на мѣсто освобожденныхъ явились новые узники.

Въ этомъ отношеніи за послѣдніе 20 — 25 лѣтъ особенно печальная роль выпала на долю Суздальской монастырской тюрьмы: въ ней съ теченіемъ времени число заключенныхъ не только не уменьшалось, а наоборотъ, росло все болѣе. И даже сейчасъ, если мы не ошибаемся, всѣ казематы Суздальской монастырской тюрьмы заняты заключенными... Поэтому пожеланія, высказанныя нами почти четверть вѣка назадъ и только-что приведенныя—и до сихъ поръ сохраняютъ все свое значеніе, всю свою остроту и силу.

Да, давно, давно пора исчезнуть изъ жизни этому пережитку среднихъ вѣковъ, этому мрачному отголоску далекихъ временъ...




D02524469W
Duke University Libraries